

Выжившая

Автор:

[Алекс Д](#)

Выжившая

Алекс Д

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Однажды Шерил Рэмси удалось выжить в логове серийного убийцы. Она спаслась при необъяснимых обстоятельствах, полностью стершихся из ее памяти. Спустя пятнадцать лет девушка продолжает выживать, но виной тому не монстр, скрывающийся в лабиринтах покалеченного подсознания, а жестокая действительность и равнодушные люди. В сложный жизненный момент Шерил получает выгодное, но весьма странное предложение от крупного медиахолдинга и переезжает в мрачный старинный дом, чтобы работать над книгой неизвестного писателя. Очень быстро Шерил начинает понимать, на страницах рукописи пишется ее забытая история, а загадочный автор и владелец дома, возможно, один и тот же человек.

[i]В книге присутствует нецензурная брань![/i]

Алекс Д

Выжившая

В оформлении обложки использована фотография автора Galina F с сайта <https://www.shutterstock.com> (<https://www.shutterstock.com/>).

* * *

«Это было», – сказала Память. «Этого не могло быть», – сказала гордость. И память сдалась.

Фридрих Ницше

Пролог

Дилан

В комнате темно. Очень темно. Всегда темно. В этой комнате нет окон и всего одна дверь, запираемая не мной. Непроглядная тьма. Пугающая для тех, кто оказывался здесь впервые, и комфортная безопасная для меня. В этой комнате всегда тихо, за исключением тех дней, когда у нас бывают гости. Я не люблю гостей, они громко кричат и всегда о чем-то просят. Мне это не нравится, меня это злит. Люди приносят с собой много шума, хаоса, грязи и вони, которую потом приходится смывать, соскабливать со стен и пола. Я люблю тишину, стерильность, темноту и одиночество.

Но сегодня мой покой нарушен. Моя нетронутая территория запятнана чужими следами, запахами, слезами, раздражающими всхлипываниями, похожими на скулеж раненного животного.

Сегодня нас здесь двое.

Я неподвижно стою в углу, лицом к стене, чутко улавливая малейшие колебания воздуха и вибрации звука.

– Здесь кто-то есть? – тонкий срывающийся на плач голос режет слух, впивается в барабанные перепонки острыми вращающимися иглами. – Я слышу, как ты дышишь! – уже без слез настойчиво повторяет высокий звонкий голос. Это невозможно. Меня нельзя услышать.

– Почему ты стоишь в углу? – еще один вопрос, приносящий сумятицу в мысли. Это невозможно. Меня нельзя увидеть.

– Тебя наказали? – раздражающий объект не сдается. Я слышу шорох одежды и звук неуверенных легких шагов, направляющихся в мою сторону. Осторожных шагов, обходящих стол и расставленные вокруг него стулья, неумолимо сокращая расстояние между нами. Я ощущаю прикованный к своей спине пристальный взгляд. Внимательный, любопытный, изучающий. Он заставляет меня нервничать, искать причины, объяснения. Я растерян, что мое надежное укрытие раскрыто. В комнате без окон угол является плотным соединением теней, густой концентрацией тьмы. Только я способен смотреть сквозь нее.

– Тебе тоже страшно? – робкий шепот раздается совсем близко. Я медленно оборачиваюсь, втягивая приторно-сладкий запах шоколада и ванили. Взгляд выхватывает из темноты маленькое существо в голубом платье и белых колготках, разорванных на коленках. Я умею различать оттенки, даже когда все вокруг объято тьмой. Голубой, как и белый – самые нелюбимые мной цвета.

И она мне не нравится, слишком шумная, звонкая, непонятная, слишком неподходящая моей темной тихой комнате. Она – это девочка, совсем ребёнок. Босая, напуганная, маленькая. Белокурые волосы, по-детски пухлое лицо и сосредоточенный недетский взгляд. Задрав голову, она смотрит мне прямо в глаза и не боится. Меня не боится. Девочку пугаю не я, а то, что привело ее сюда.

– Ты знаешь, где Руби? – со слезами в голосе спрашивает нарушитель моего единения с тишиной. Я отвечаю не сразу, увлекшись рассматриванием странного ребенка. До нее здесь никогда не было детей.

– Руби?

– Моя сестра, – поясняет девочка и начинает быстро тараторить. Мое звуковое восприятие едва успевает за ней, потому что не привык слышать так много слов подряд. – Мы ехали за город, и я уснула на заднем сиденье. А потом оказалась в этой комнате, с тобой. Это не ты принес меня сюда?

– Не я, – отвечаю твердо, без запинки, озадаченно рассматривая ребенка.

- Ты знаешь, где Руби? - сдавленно повторяет напуганное создание.

- Не здесь, - коротко бросаю я, чувствуя прилив раздражения. Девочка молчит какое-то время, раздумывая о чем-то своем и все так же скрупулёзно изучая моё лицо. Потом неуверенно кивает, отступая назад, и садится на стул, даже не обернувшись. Как и когда она успела запомнить расположение мебели?

- Ты отвезешь меня домой? - вытирает грязным рукавом мокрые глаза, оставляя на щеках грязные разводы. Это выглядит неправильно, неэстетично, сводя на нет все очарование удивительного контраста светлых растрепавшихся косичек и огромных очень темных глаз. Дети должны быть чистыми, аккуратными. Когда я был маленьким, отец приходил в неистовство, если замечал, что моя одежда испачкана или не убрана комната. Он научил меня ценить чистоту. Соблюдать порядок - важно. Если вокруг тебя грязь, то ты пропитываешься ею, позволяешь нечистотам проникнуть внутрь, запятнать, завладеть, поглотить.

Я протягиваю ребенку ослепительно-белый платок, находящийся всегда при мне.

- Вытри лицо, - строго требую я, копируя отцовские интонации. Она берет квадратный лоскут ткани маленькими испачканными пальцами.

- Спасибо, - слышу в ответ искреннюю благодарность. - Ты можешь включить свет?

- Могу, - киваю я. - Но не хочу.

Она замолкает, обдумывая мои слова. Трёт ладошки, пахнет конфетами и совсем не плачет. Не забивается в ужасе в угол, не зовет на помощь, не умоляет отпустить ее. Она задает вопросы, видит в темноте и слышит, как я дышу. Она ведет себя совсем не так, как другие гости. Может, потому что она - ребенок? Или, потому что мы здесь одни?

Девочка снова начинает мне нравиться, несмотря на навязчивый запах, пропитавший небольшое пространство комнаты. Сладости я не выношу с детства. Конфеты оставляют липкую грязь на пальцах, липкий вкус во рту.

– Меня зовут Шерил, мне шесть. Я хожу в младшую школу. Мечтаю писать сказки или вести ток-шоу, – снова начинает тараторить незваная гостья, тщательно вытирая лицо и убирая платок в карман. – Ты любишь читать?

– Да. Здесь много книг.

– Ты читаешь их в темноте?

– Иногда я включаю свет.

– А ток-шоу любишь?

– У меня нет телевизора.

– Жалко. Как можно жить без телевизора? – искренне удивляется Шерил. Мне нравится, как звучит ее имя, словно перекачивается на языке. Если бы у меня была кошка, я бы назвал ее Шерри. Но животные, как и гости, несут в себе грязь и вонь.

– Ток-шоу – это очень интересно, – возбужденно продолжает Шерил. – Я могу тебе рассказать. Вот вчера показывали...

– Замолчи! – резко обрываю я, когда от детской болтовни у меня начинает закипать мозг. Мне хочется закрыть ладонями уши и отвернуться, но получается сдержать порыв. Мне интересно. Я удивлен. Мой покой нарушен.

– Ты не любишь разговаривать? – после непродолжительной паузы притихшим голосом спрашивает Шерил.

– Нет, – давление в висках нарастает, вызывая болезненную гримасу, которая совершенно не отталкивает и не пугает шумную незваную гостью.

– А шоколад любишь? – девчонка выкладывает на стол не распакованный сникерс. – У меня есть. Хочешь, я угощу? Мне не жалко. Я один съела по дороге. – меня передёргивает от отвращения. Шерил замечает и прячет угощение в карман платья.

– Я не ем шоколад, – отрицательно качаю головой, раздумывая, как бы заставить ее заткнуться.

– Ты же не собираешься съесть меня? Я тут не для этого?

– Конечно нет, – я хмурюсь, глядя на обеспокоенное лицо ребенка. Я не выношу людей, испытываю к ним отвращение. Зачем мне их есть? Шерил облегченно вздыхает, откидываясь на спинку стула и болтая ногой.

– А то я уже напугалась, – она широко и открыто улыбается мне, и уголки моих губ тоже непривычно дергаются в улыбке. – Как тебя зовут? – очередной неожиданный вопрос вынуждает меня впервые за много лет вслух назвать свое имя.

– Дилан.

– Ты сможешь мне вернуться домой, Дилан?

– А как же Руби? Ты вернешься домой без своей сестры?

– Ты же сам сказал, что ее здесь нет.

Часть 1

Глава 1

Наши дни. США, Мериленд, Балтимор.

Шерри

– Можно ее увидеть? – спрашиваю я, выдержав изучающий внимательный взгляд Дженнис Гилбер.

– Боюсь, что нет, Шерил, – доктор с сожалением качает головой. Поправив съехавшие на переносицу очки, она закрывает крышку ноутбука и складывает руки на столе, доверительно наклоняясь в мою сторону. – Твоя мама не готова принимать посетителей. Она вела себя агрессивно, и врачи клиники были вынуждены дать ей большую дозу успокоительного. Это временная, но необходимая мера. Как только ее состояние стабилизируется, мы назначим более щадящий курс лечения. Сейчас перед нами стоит задача в максимально короткие сроки помочь Дороти, выяснить, что послужило причиной срыва, и не допустить подобного в будущем.

– Сколько это займет времени? Как долго мама пробудет здесь? – встревожено уточняю я, рассматривая лишнее мимических морщин и каких-либо естественных эмоций лицо Дженнис. Врач похожа на вампира. Именно эта ассоциация рождается у меня в голове каждый раз, стоит зайти в холодный неуютный кабинет, сесть в кресло напротив и начать слушать ее ровный, монотонный голос, от которого безумно клонит в сон. Доктор Гилбер наблюдает маму больше десяти лет, и за это время ее внешность абсолютно не изменилась, и одета она всегда в одни и те же цвета. Возможно, Дженнис хороший психиатр, но мне рядом с ней некомфортно. Я физически ощущаю, как ее настырный взгляд пытается просканировать мои мозги.

– Предугадать сложно, Шерил, – наигранно мягким тоном отзывается женщина без возраста. Может быть, она не стареет, потому что высасывает энергию из своих пациентов? Глупость, да? Но после всего случившегося с моей семьей, никто не обвинит меня в том, что я испытываю острое недоверие ко всем мозгоправам. – Твоя мама страдает тяжелым психологическим заболеванием, характеризующимся непредсказуемой симптоматикой в стадии обострения.

– Мама проходила обследование месяц назад, и все было хорошо, – решаюсь возразить. – Она никогда не проявляла агрессии к окружающим, и это первый кризис за три года. Лечение помогало ей. Действительно помогало, – сбивчиво продолжаю, глядя в немигающие глаза доктора Гилбер. – Может, вы назначите новые лекарства, я подпишу необходимые бумаги и заберу маму домой? – спрашиваю настойчиво, но без особой надежды. Дженнис бескомпромиссно качает головой.

– Я знаю, как тебе тяжело, Шерил, но ты не можешь обеспечить круглосуточное наблюдение и оплатить сиделку. К тому же девушка, на которую напала Дороти, собирается подать иск. Для всех будет лучше, если твоя мама останется здесь.

– Боже, да не нападала она ни на кого! – возражаю эмоционально. – Мама увидела девушку, похожую на Руби, и просто хотела увезти ее домой. Она бы не сделала ей ничего плохого.

– Дороти сильно её напугала, схватила за руку, оцарапала и оторвала рукав блузки, – бесстрастно озвучивает уже известные мне факты доктор Гилбер. Очки женщины снова съехали на кончик носа, из идеального пучка волос на затылке вывалилась прядь, и только выражение лица оставалось по-прежнему вежливо-отсутствующим и фальшиво-сочувствующим. – Вырвавшись, девушка едва не попала под машину и до сих пор находится в стрессовом состоянии. Я связалась с твоим отцом, и он пообещал уладить вопрос с иском. Возможно, тебе стоит переговорить с ним насчёт материальной помощи на оплату сиделки для твоей мамы.

– Отец – мастак давать обещания, – я злюсь. Нет, я в бешенстве, хотя знаю, что не должна проявлять слишком бурные эмоции в кабинете доктора Гилбер. Наверняка она спит и видит, чтобы лицезреть меня в этом кресле в качестве пациентки. Я не преувеличиваю и не нагнетаю. У меня есть причины так думать, поэтому меняю тон голоса на более ровный. – Он и палец о палец не стукнет, чтобы помочь нам. У него новая семья, двое маленьких детей. Ему плевать, что происходит с бывшей сумасшедшей женой и дочерью, напоминающей о другой.

– Ты думаешь, что отец считает тебя виноватой в том, что ты выжила, а Руби – нет? – внимательный взгляд Гилбер забирается мне под кожу, выискивает слабые струны, чтобы дергать за них, наблюдая за моей реакцией, оценивая, анализируя... Вот оно. Именно то, о чём я только-то говорила. Доктор Дженнис уверена, что я замалчиваю свои проблемы, не озвучиваю страхи, подавляя их, отказываясь обсуждать. Она считает меня потенциально опасной, потому что внутри моей головы находится не активированная бомба, способная в любой момент рвануть. Но Дженнис ошибается. Я психически здорова, и у меня нет страхов, комплексов, ночных кошмаров. Мне некого и нечего бояться.

– Я сказала вам, что напоминаю отцу о Руби, – спокойно повторяю я. – И я, и мама, мы обе напоминаем ему о том, что отец хотел бы забыть. Я понимаю, почему он это делает. И не виню его.

– Ты очень умная девушка, Шерил, – задумчиво произносит Дженнис, поправляя отворот жакета. Психиатр недовольна, что у нее не вышло вывести меня из себя. Наша неприязнь взаимна. Я ее нервирую, хотя она тщательно пытается это скрыть.

– Я окончила университет с самым высоким средним балом на моем направлении, – сухо сообщаю я. – Сейчас ищу работу. Как только устроюсь, найму сиделку и заберу маму домой. Поэтому прошу вас не беспокоить больше отца. Мы справляемся без него уже много лет. Я совершеннолетняя и сама могу опекать мать, не прибегая к его помощи.

– Как лечащий врач, я обязана оповещать всех близких родственников, указанных в анкете пациента, – не соглашается со мной Дженнис.

– Бывший муж – это не близкий родственник, доктор Гилбер. Измените данные в анкете. Они устарели и давно не корректны. Некоторые ошибки могут очень дорого стоить, – четко выговариваю каждое слово, и непробиваемая Дженнис покрывается красными пятнами. Есть, у меня получилось сделать эту замороженную суку. – Я могу идти? Или у вас остались еще вопросы? – спрашиваю приторно-вежливым тоном.

– Одну секунду, Шерил, – вернув самообладание, доктор натянуто улыбается и, открыв ящик стола, достает оттуда свёрнутый помятый листок бумаги и передает мне. – Вот это мы нашли в кармане Дороти, когда ее доставили к нам.

– Это газетная вырезка ... – озвучиваю я свои наблюдения и осекаюсь, пробежавшись взглядом по заголовку.

Оливер

Старые дома обладают собственной неповторимой атмосферой, особой энергетикой, но это способны оценить и прочувствовать немногие. Эстеты, фантазеры, писатели, художники и все, кто не лишен богатого воображения и чувства стиля.

Ни современный внутренний ремонт, ни частичная реставрация и недавно окрашенный экстерьер не способны уничтожить налет почти вековой истории, написанной в каждой трещинке фасада, рассказанной шепотом скрипящих половиц и завываниями ветра в каменном дымоходе.

Я нахожу удивительное удовольствие в скрупулёзном сохранении старинных деталей интерьера. Их немного, и от этого они еще ценнее для меня. Оригинальность в наши дни, как редкое сокровище, нуждающееся в постоянном и кропотливом уходе. Оригинальность не требует огранки, она самодостаточна и уникальна. Она завораживает, вдохновляет, очаровывает.

Я неторопливо поднимаюсь на высокое квадратное крыльцо под треугольной крышей, поддерживаемой массивными белыми колоннами из натурального камня. Справа от крыльца, на открытой веранде гуляет ветер, гоня сорванные с деревьев пожухшие листья. Здесь приятно встречать закат с бокалом вина, крепкой сигарой и в одиночестве. Огромное преимущество жизни за городом – возможность быть наедине с собой и окружающим миром. Тишина, чистый воздух и бесконечный полет мысли.

Мне нравится возвращаться сюда после длительного отсутствия. Так гораздо ярче ощущается разница. Белый дом с крышей из красной черепицы, обнесённый высоким забором, спрятанный недалеко от шумного Нью-Йорка, среди колышущихся на ветру могучих кленов и сосен, яблоневый сад на заднем дворе, аккуратно подстриженная лужайка, обвитые лианами круглые беседки и небольшой мраморный фонтанчик с фигуркой улыбающегося ангела в центре. Этот дом – мое личное место силы. Неприветливый для незнакомцев, он принял меня, стоило впервые войти в разводные металлические ворота и замереть на заросшей дорожке, изумленно изучая неожиданное наследство. Я смотрел на безмолвный притихший дом, а дом – на меня широкими пыльными окнами с потрескавшимися витражами. «Ну, здравствуй», – сказал я. А дом приветственно заскрипел покосившимися прогнившими ступенями. Это было мгновенное узнавание, признание с первой секунды. Несмотря на то, что живу я здесь не один, меня никогда не покидает ощущение, что дом принадлежит только мне, а я – ему.

Странно, правда? Ничего удивительного, все дело в неосязаемом магнетизме этих мест.

Я задерживаюсь на крыльце, вдыхая целительный аромат хвои, дождя и влажной земли. Осенний короткий ливень сотворил маленькие лужицы, но от них через час не останется ни следа. Толкаю массивную дверь и прохожу внутрь, оказываясь в просторном светлом холле. Здесь пахнет иначе: цитрусовым полиролем и свежими розовыми гортензиями, которые выращивает моя сестра в специальной теплице, и каждые три дня меняет букеты в вазах, расставляя их по всему дому. Ей нравится, когда в комнатах пахнет весной и цветами, даже если за окном поздняя грязно-серая осень.

В большие окна мягко крадутся золотистые лучи солнца, выглянувшего из-за тяжелых серых туч. Крошечные частички пыли кружатся в потоках теплого света и ложатся тонким кружевом на открытые поверхности и декоративные предметы обстановки, оседают на мраморной столешнице камина, на зеркальной глади овального столика, на крученых ножках и деревянных подлокотниках кресел, на широких подоконниках и полках встроенного шкафа с книгами.

Сняв пиджак, оставляю его на диване, на стол кладу дипломат с документами и ноутбуком. Сегодня я буду работать здесь, перед разожжённым камином под умиротворяющее потрескивание дров. У меня имеется отдельный рабочий кабинет, но после дождя там появляется промозглая влажность, сменяющаяся запахом затхлости при включении прогрева.

Достав стакан и откупоренную бутылку хорошего виски из минибара, я наливаю совсем чуть-чуть и залпом выпиваю, ощущая першение в горле от горького алкоголя, через минуту сменяющегося приятным согревающим теплом. Взгляд возвращается к оставленным документам, требующим пристального внимания, но прежде чем придется погрузиться в работу, у меня имеется еще одно важное дело.

Тяжело вздохнув и ослабив петлю галстука, я нехотя направляюсь к деревянной лестнице с резными перилами, ведущей на второй этаж. Ступеньки поют тоскливую мелодию под моими удобными итальянскими ботинками. Один пролет пройден.

Глухой звук моих тяжелых шагов по длинному коридору, устланному красно-коричневым ковровым покрытием, в тишине дома кажется оглушительным. Я неспешно иду вдоль анфилады закрытых спален. Всего шесть, и только две жилые. Плюс мой кабинет, почти антикварная библиотека и скромных размеров

спортивный зал. Сворачиваю налево и упираюсь в тяжелую железную дверь, достаю ключ из специальной ниши в стене и, вставив в замочную скважину, делаю три полных оборота. Скрежет царапает слуховые рецепторы, я открываю дверь, мысленно делая себе напоминание о том, что в следующий раз надо прихватить с собой масло. Запираю дверь изнутри и прохожу дальше.

И снова лестница, но теперь ведущая на чердак. Здесь нет никаких резных перил, ковров и мягкого освещения. Кромешная тьма, сквозь нее убегают вверх двадцать широких ступеней из грубой древесины, еще одна металлическая толстая дверь, а после решетка с навесным замком. Я двигаюсь наощупь, по памяти, совершая автоматические действия. Мне не нужен фонарик в телефоне, чтобы подсветить себе путь. Единственный ключ подходит к каждой преграде, но механизм открытия замков разный. Тот, кто не был здесь ни разу, сразу не справится, даже при ярком свете.

Гвендолен, моя младшая сестра, любительница гортензий, ненавидит подниматься сюда, но иногда ей приходится это делать. Гвен никогда не отпирает решетку, только металлическое узкое окошко снизу, куда проталкивает поднос с едой и сразу убегает. Она боится, и ее страх объясним и понятен. Я солгу, если скажу, что совершенно не боюсь того, кто живет за тремя дверями, в изолированной квадратной комнате, на чердаке с шумоизоляцией, индивидуальной системой вентиляции и водоснабжения, уплотненными стенами и наглухо заколоченными ставнями. Но мой страх носит печать смирения и обреченности. Я свыкся с этим тягостным и неумолимым чувством, которое появилось в жизни нашей семьи пятнадцать лет назад, прошлось ураганом, потрепало и вывернуло каждого. Кого-то с корнем, а нас с Гвен пощадило. Нам удалось выжить после крушения. Нам пришлось приспособиться к новым обстоятельствам, начинать с нуля, бороться с градом ударов и препятствий, не оглядываясь назад и не жалея себя.

Но иногда... Иногда воспоминания о давних светлых днях оказываются сильнее, только вместо радости несут в себе разрушительную и бесполезную ярость. Мы были счастливы когда-то. Каждый по-своему. Кто-то больше, кто-то меньше. Мы были безмятежны и без страха смотрели в будущее. Мы умели открыто смеяться, улыбаться миру и ничего не скрывать. Мы не испытывали стыд и ужас, чьими заложниками стали сейчас.

Он пришел в наш дом и разрушил все, во что мы верили, заставил нас бежать и жить в постоянном страхе, что кто-то узнает.... Нам пришлось забрать его с

собой, чтобы сохранить тайну, сохранить то, что еще осталось от нас троих.

– Здравствуй, Дилан, – мой голос разрезает абсолютную тишину. В крошечной тьме его высокая фигура в углу почти неразличима. Он очень медленно оборачивается и выпускает из рук серую кошку, которая мягко приземлившись на четыре лапы, бросается мне в ноги и, громко мурлыча, трется мохнатым боком о штанины брюк.

Яркая вспышка света от настольной лампы – единственного источника освещения в квадратной зонированной коробке, рассекает густую черную тьму, из которой прорисовывается спартанская скудная обстановка с идеально-чистыми поверхностями, не видевшими пыли. Здесь нет ни малейших запахов, несмотря на наличие кошки и огромного количества книг, не уместяющихся в двух встроенных шкафах, аккуратными стопочками сложенных на пол. Я не знаю, как он это делает, как ему удастся сохранять стерильность в небольшом замкнутом пространстве.

– Шерри голодна, Оливер, – произносит ровный спокойный голос моего брата. Неподвижный равнодушный взгляд сосредоточен на моем лице, как две капли воды повторяющем его черты. До мельчайших деталей. Абсолютная копия. Это жуткое ощущение, все равно что смотреть в собственное искаженное отражение и пытаться отыскать несоответствие, безуспешно понять и объяснить причину дефекта.

Шерри издает хриплое мяуканье, привлекая мое внимание. Опустив голову, я смотрю в золотистые кошачьи глаза и, наклонившись, ласково чешу за ухом. Она мурлычет, ласкаясь о мои пальцы, тыкаясь носом в раскрытую ладонь.

– Она выглядит довольной, – негромко замечаю я. – Ты хорошо заботишься о Шерри, Дилан, – наши взгляды с братом снова встречаются, его отстранённый, бездонно-темный, и мой – внимательно изучающий. Он склоняет голову на бок, глядя на меня с нечитаемым потусторонним выражением. Его затянувшееся молчание давит на нервы, вызывая приступ зарождающейся паники. Дилан никогда не проявлял агрессии по отношению ко мне и Гвен, но я отлично знаю, насколько он опасен и на что способен.

– Ты дал мне слово, что тоже позаботишься о Шерри, – наконец подает голос Дилан и, как всегда, говорит четко, ровно, без запинки.

– Ты же не о кошке сейчас? – уточняю я, хотя и без дополнительных пояснений знаю ответ. – Я сделал всё, что было в моих силах, – с нажимом добавляю я.

– Не всё, Оливер, – бесстрастно возражает Дилан. Кошка лениво направляется к своему хозяину и ложится у его ног, блаженно прикрывая глаза. – Придумай что-нибудь еще, пока я не захотел поговорить с Гвендолен.

– Ты мне угрожаешь, Дилан? – напряженно спрашиваю я. Его лицо непроницаемо, как закрытая книга. Ни одной мысли, ни единой эмоции, он управляет своим безумием, держит в цепях с пудовыми замками, но мы оба знаем, что оно живет там, внутри, за стеклянным блеском его холодных мертвых глаз. За годы, прошедшие со дня появления Дилана в нашей жизни, с ним говорили только трое людей. В живых остался один я.

– Когда придешь вечером не забудь захватить кошачий корм, новые книги и машинное масло. Меня раздражает ржавый скрип дверей, – игнорируя мой вопрос, произносит брат и гасит свет. Комната мгновенно исчезает, погружаясь в кромешную тьму.

– Я не могу этого сделать! – хрипло бросаю я невидимой фигуре, притаившейся в непроглядной мгле, ощущая на себе взгляды двух пар глаз, хищно наблюдающих за каждым моим движением.

– Ты дал мне слово, Оливер. Сдержи его, или я не сдержу своё, – приглушенный голос звучит сразу со всех сторон, отражаясь от стен зловещим эхом. Нервный озноб проходит по телу, вызывая сокращение одеревеневших до болезненного покалывания мышц. Мне кажется, что температура в комнате понизилась на несколько градусов. Я непроизвольно пчусь назад к решетке, запинаясь за нее и, оказавшись с другой стороны, торопливо запираю.

– Не у тебя ключ от замков, Дилан, – напоминаю я севшим голосом.

– Меня держат здесь не замки и двери. Если захочу выйти, никто меня не остановит. Ты же понимаешь это, Оли?

– Я тебе не по зубам. Ты не сможешь ничего сделать. Все, что ты говоришь – сплошной блеф. Я не поддаюсь манипуляциям и внушению.

– Готов представить друзьям сумасшедшего близнеца, удерживаемого долгие годы взаперти на чердаке, словно бешеного цепного пса? – в невозмутимом вопросе нет ни малейшей провокации или каких-либо других эмоций, выражающих его отношение к произнесенным словам.

– Ты сам к этому не готов, Дилан! – клацнув в гневе зубами, заявляю я.

– Как знать, Оли. Как знать... – хриплый смех завибрировал в воздухе, я почувствовал его так, словно брат стоял совсем близко, но привыкшие к темноте глаза успели заметить, как он развернулся ко мне спиной и шагнул в чернеющий угол.

Больной придурок.

Я захлопываю дверь. Мои руки дрожат, пока я суетливо запираю замки. Сбегаю по ступеням вниз. Хочу убраться отсюда поскорее. Остается последняя дверь, и вот я снова в безопасном светлом коридоре шагаю в свою комнату, ступая по мягкому ковровому покрытию.

В голове заевшей пластиной крутятся слова Дилана. Он впервые открыто угрожал мне, и я не знаю, как реагировать. Замки закрыты, единственный ключ у меня. Выбраться у него нет ни единого шанса. Чего же я тогда боюсь? Зачем вообще церемонюсь с ним, выслушиваю безумный бред, приношу еду для него и Шерри?

Никто бы не узнал... По факту Дилана Кейна не существует. Сколько раз у меня возникало желание никогда не возвращаться в тёмную комнату на чердаке, оставить его голодать вместе с преданной кошкой? Позволить ему умереть – единственный способ освобождения для Дилана. Другого нет. Однажды у меня хватит духа, и я сделаю это. Я сделаю!

Свет в коридоре начинает мерцать, соглашаясь с моими мыслями. Я глубоко и размеренно дышу, постепенно успокаиваясь, открытыми ладонями веду вдоль обитых деревянными панелями стен. Где-то внизу хлопает распахнутыми ставнями усилившийся ветер, снова начался дождь, методично колотит по крыше и окнам, подбирается к неприкрытому козырьком крыши крыльцу на заднем дворе. Если я открою дверь, то он войдет внутрь...

Старые дома живые. Они дышат, разговаривают, хранят тайны, которыми не спешат поделиться со своими постояльцами, но позволяют писать новые истории и надежно оберегают толстыми стенами от любопытных глаз.

Глава 2

Шерри

THE PULSE OF LIFE: Пятнадцать лет со дня смерти серийного маньяка в Балтиморе. Что помнит город сегодня о жестоком психопате, совершавшего свои кровавые преступления на территории округа Колумбия и штатов Мериленд и Пенсильвания?

Вся кровь мгновенно отливает от лица, но пальцы не дрожат. Я не испугана и не растеряна. Меня переполняет злость на бульварных писаков, не желающих оставить эту историю в прошлом. Задержав дыхание, я читаю дальше, чувствуя каждой клеткой тела пристальный взгляд Дженнис:

«Напомним, что пятнадцать лет назад полиция и пожарные были шокированы страшными находками, обнаруженными в ходе расследования на месте сгоревшего дома в пригороде Балтимора. Внутри были найдены обгоревшие останки трех человек. Одни принадлежали Уолтеру Хадсону, практикующему психиатру, год назад переехавшему вместе с семьей в Мериленд из Пенсильвании. Вторые обнаруженные останки принадлежали его полностью парализованной матери Клариссе Хадсон, являющейся хозяйкой дома. Женщина много лет не вставала с кровати. Независимо от того, как далеко Уолтер жил от матери, он находил время и несколько раз в неделю навещал её, как и полагается заботливому сыну. Но на самом деле его самоотверженность объяснялась совершенно иными причинами.

Начало разоблачения самого кровожадного маньяка десятилетия положила идентификация третьих останков, обнаруженных в сгоревшем особняке. Погибшей оказалась девятнадцатилетняя пациентка Уолтера – Руби Тенеси (фамилии жертв изменены). Смерть девушки наступила по причине кровопотери от многочисленных колото-резанных ран. Орудие убийства обнаружить не удалось, в следствии чего криминалисты заново осмотрели территорию дома

Клариссы Хадсон, и это привело к новым шокирующим находкам. Во время раскопок на заднем дворе были найдены еще одиннадцать останков женских тел, убитых таким же образом, как и последняя жертва.

В ходе расследования выяснилось, что все двенадцать жертв врача-убийцы в разные периоды времени были его пациентками. До сих пор остается неизвестным, каким образом он доставлял жертв в дом матери, проживая в нескольких часах езды от места своих преступлений.

Из обстоятельств дела известно немного. Два-три месяца – это срок, в течение которого маньяк держал девушек живыми в изолированной комнате под самой крышей, находящейся через этаж над спальней матери. Возможно, несчастная парализованная Кларисса Хадсон до самой смерти слышала крики несчастных, но ничем не могла им помочь.

В связи с невозможностью допросить и провести психиатрическую экспертизу Хадсона, его мотивы совершенных злодеяний так и остались нераскрытыми.

Больше всего фактов известно о последней жертве маньяка – Руби Тенеси. Если бы ее останки не обнаружили на месте пожара, возможно, зверские преступления убийцы так и остались бы нераскрытыми.

В материалах дела зафиксировано, что за два месяца до случившегося Руби выехала из дома на своем автомобиле вместе с младшей сестрой и спустя несколько часов перестала выходить на связь с близкими, через сутки сестры были объявлены в розыск. Спустя неделю активных поисков автомобиль, принадлежащий Руби Тенеси, обнаружили в реке. Тела сестер водолазами найдены не были.

Удивительным фактом является то, что шестилетняя сестра последней жертвы нашлась спустя несколько часов после пожара в одной из больниц города Балтимор в истощенном состоянии, но без серьезных физических повреждений. Девочку подобрал таксист на трассе между Мерилендом и Пенсильванией, в трех часах ходьбы от сгоревшего дома Хадсона. Несколько дней ребенок провел без сознания, и придя в себя, она не смогла вспомнить, что с ней произошло. Детские психологи, впоследствии работающие с пострадавшей, тоже не сумели выяснить, как девочке удалось вырваться из рук убийцы-психопата, и что происходило с ней на протяжении двух месяцев в его логове.

До настоящего момента неизвестно, что послужило причиной пожара в пристанище зверя, где Уолтер Хадсон хладнокровно и безжалостно расправлялся со своими жертвами. Одна из ключевых версий – он совершил самоубийство, упустив одну из сестер. Уолтер за время своей «карьеры» никогда не похищал и не убивал детей, и, возможно, этот фактор сыграл ключевую роль в случившемся.

Напомним, что на счету Балтиморского маньяка насчитывается двенадцать жертв. Все они были красивыми молодыми девушками в возрасте от восемнадцати до двадцати семи лет, однажды доверившиеся хитрому манипулятору-убийце под безупречной личиной опытного психиатра.

В завершении хочется сказать: будем бдительны, друзья. Не стоит забывать, что психопаты могут скрываться в самых безобидных на первый взгляд людях. Они могут быть очаровательны, сексуальны, умны, талантливы, успешны, они могут быть харизматичны, гениальны и сексуальны, могут занимать высокие посты и пользоваться уважением в обществе. Они могут десятилетиями жить рядом с вами или даже с вами, а вы не будете подозревать, что за образцовым обликом хорошо знакомого или даже любимого, или близкого человека прячется кровожадный и хитроумный зверь».

Закончив читать, я без суетливых движений сложила в два раза вырезку со статьей и убрала в свою сумочку.

– Я думаю, теперь очевидно, что спровоцировало приступ, – произношу твёрдым голосом, поднимая холодный взгляд на Дженнис Гилбер.

– Ты очень спокойна, Шерил, учитывая ситуацию, – постукивая колпачком ручки по отполированной до блеска столешнице, пронизательно замечает доктор. А ты слишком нервничаешь, Дженнис. Еще бы. Это ты работала целый год в одной больнице с Уолтером Хадсоном и не заметила, невзирая на все степени и опыт, что рядом находится серийный маньяк.

– Я была ребенком. Я ничего не помню. Мою сестру уже не вернуть. Убийца мертв. А я жива, и моя мама жива. Прошло больше пятнадцати лет, доктор Гилбер. Этого срока достаточно, чтобы научиться не вздрагивать каждый раз при упоминании о той чудовищной трагедии. Сейчас меня сильнее беспокоит состояние матери, чем то, что написано в этой бульварной газетенке, – четко

проговариваю свою позицию. Дженнис коротко кивает, делая вид, что соглашается со мной. Я встаю и разворачиваюсь, чтобы уйти наконец из опостылевшего мне кабинета.

- Но кто-то передал Дороти эту бульварную газетенку, Шерил, - доносится в спину.

Я не оборачиваюсь и не отвечаю. Закрываю за собой дверь и стремительно покидаю здание психиатрической клиники.

Если честно, последняя фраза Дженнис заставляет меня напрячься. Я понятия не имею, кто мог подсунуть маме статью. Из дома она выходит только со мной или с Мэри Блум, нашей сердобольной соседкой, помогающей нам по доброте душевной. Я не выписываю на дом прессу, покупаю сама и тщательно просматриваю, прежде чем принести газеты или журналы домой. Это очень неудобно, потому как я сама закончила факультет журналистики и планирую строить карьеру в этом направлении, но пока нахожусь в активном поиске для старта.

У меня уже было несколько неудачных собеседований в издательских домах Балтимора, а вчера я на целый день решила уехать в Вашингтон, чтобы попытаться удачи там. Вернулась утром, а тут такие новости.... В сложившихся обстоятельствах Вашингтон - далеко и небезопасно, и без сиделки никак, а единственная возможность ее нанять - это хорошо оплачиваемая работа. Но чтобы получить постоянное штатное место с приличным окладом, диплома с отличием, наград за участия в литературных конкурсах и опыта в студенческой газете недостаточно.

Замкнутый круг.

В Вашингтоне у меня хотя бы есть шанс, а здесь мой максимум - работа официанткой в баре или продавец в книжном магазине.

Несмотря на это, даже не возникает мысли сдать, постоянно штудирую вакансии, стараюсь много читать и быть в курсе последних новостных трендов. Моя спальня гораздо больше напоминает склад букиниста, нежели комнату молодой девушки. Однако даже если перелистать каждое издание, невозможно найти ни одной строчки о событиях пятнадцатилетней давности.

Возможно, Мэри по неосторожности оставила у нас свою газету?

Доехав на своем стареньком Пежо до дома, находящегося в Феллс Поинт, сравнительно-благополучного района Балтимора, где прошла вся моя осознанная жизнь, за исключением стёртых из памяти двух месяцев, я припарковалась на стоянке перед небольшим кирпичным таунхаусом и в первую очередь прошла через зеленую лужайку к соседнему дому. Немного волнуясь, поднялась на недавно покрашенное крылечко и постучала в стеклянную дверь миссис Блум.

Мне дико не хотелось думать, что старая добрая Мери могла нечаянно спровоцировать у мамы нервный приступ. Мне пришлось подождать минуту, прежде чем в коридоре появилась тучная фигура соседки в розовом спортивном костюме. Следом за ней ковыляет толстый французский бульдог Сэм. Увидев меня, миссис Блум ускоряется и, распахнув двери, заключает в крепкие, пахнущие корицей объятия.

– О, моя дорогая. Я так беспокоилась, – сочувственно восклицает она, приглашая меня в дом. – Ты из больницы? Как мама?

– Меня к ней не пустили, но пообещали, что в ближайшее время ее состояние стабилизируется, – коротко обрисовываю я ситуацию на текущий момент.

– Мне ужасно жаль! – горестно вздыхает Мэри, снова обнимает меня, пока ее пес обнюхивает и приветливо тычет носом в мои туфли. – Мы с Сэмом смотрели в гостинной кулинарное шоу с Гордоном Рамзи и не заметили, как Дороти вышла из дома. Я целый день была с ней, отлучилась на пару часов, и такое несчастье, – продолжает причитать миссис Блум.

– Ты не виновата, Мэри, – мягко успокаиваю я расстроенную соседку. – Никто не ожидал, что мама так поступит. Она даже во двор не выходит без продолжительных уговоров.

– Никто не ожидал, милая... – качает головой женщина и ведет меня в сторону кухни. – Пойдем, я угощу тебя чаем. Клэр прислала из Индии. Обещала приехать к рождеству с мужем и внуками, – в серо-зеленых глазах Мери мелькнула печаль. Я знаю и понимаю причину ее грусти. Сейчас октябрь, а до Рождества

еще два месяца. В прошлом году Мэри тоже ждала единственную дочь, но та так и не приехала. Клэр десять лет назад вышла замуж за индуса и поселилась у него на родине. Пока был жив муж, Мэри сама летала в Индию, чтобы навещать дочь и внуков, но после того, как мистер Блум скончался около двух лет назад, женщина пережила два инфаркта, и дальнейшие поездки ей были категорически противопоказаны. Остаться одной в большом доме в шестьдесят лет очень тяжело, и Мэри нашла утешение в заботе обо мне и маме, а я, в свою очередь, как могла помогала ей не чувствовать себя одинокой. По большому счёту миссис Блум и ее пес Сэм были единственными моими друзьями, которым я могла доверить все свои мысли, тяготы и планы.

Пока Мэри хлопотала с чаем, доставала недавно испеченные эклеры, мой любимый яблочный пирог с корицей и отвлекала меня разговорами, я рассеянно трепала по холке забравшегося на мои колени тяжеленого Сэма и вспоминала прошлое рождество.

Мы отмечали его все вместе. Я, мама, Мэри и Сэм. В нашем доме. Я украсила гостиную и внутренний двор, заставила маму надеть красивое платье, мы пили шампанское, слушали музыку, пели песни, а потом вышли во двор и угощали гуляющих детишек сладостями. Мама впервые выглядела спокойной, она улыбалась и называла меня Шерри, а не Руби. Это был чудесный праздник, пока не приехал отец, чтобы поздравить нас. Он выдал из себя пару заезженных фраз, суетливо отдал банальные подарки и поспешно удалился. Он торопился сбежать, ведь в машине его ждала глубоко беременная молодая, здоровая жена и трехлетний сын. Как только родной гость уехал, мама вернулась в дом, закрылась в своей комнате и не выходила оттуда до следующего вечера...

Я ни в чем не обвиняю отца. Очень сложно пережить то, что с нами произошло, и сохранить рассудок. Мама не смогла, а жить с психически больным человеком – нелёгкое испытание. Папа хотел перечеркнуть прошлое и идти дальше, а Дороти застряла в одном и том же страшном дне, когда узнала о смерти Руби, переживая его снова и снова, изводя себя, его, меня, нас всех. В конечном итоге отец не выдержал, а я... у меня не было выбора.

– Как ты съездила в Вашингтон? – миссис Блум ставит передо мной кружку с ароматным чаем и тарелку со сладостями и садится напротив. Сэм грузно спрыгивает на пол и, лениво перебирая лапами, плетется к хозяйке. Такой забавный. Я неопределенно пожимаю плечами, наблюдая, как пес с третьей попытки забирается к Мэри на колени.

– Заполнила анкеты и прошла собеседования в двух редакциях газет и в одном издательстве. Теперь буду ждать результата, – отвечаю без энтузиазма в голосе, откусив от аппетитного эклера. – Вкусно как, тает во рту, – запивая не менее вкусным чаем, хвалю Мэри.

– Кулинарные шоу иногда очень полезно смотреть, – расплывается в довольной улыбке миссис Блум.

– Особенно с твоим любимчиком Рамзи, – подмигиваю я. Покончив с восхитительным пирожным, вспоминаю о цели своего визита. – Мэри, ты не знаешь, где мама могла взять вот это? – набравшись смелости, выкладываю на стол злополучную вырезку из газеты. Женщина несколько минут внимательно и сосредоточенно читает статью и, вернув мне, озадаченно хмурится.

– Понятия не имею, Шерри. Кто мог подсунуть Дороти такое? Разве что ревнивая женушка твоего отца.

– Нет, я не думаю, что это Хелен. У нее грудной ребенок. Ей не до этого, – категорично отвергаю версию Мэри. – Ты не видела, может кто-то заходил к нам вчера?

– Нет, – с сожалением качает головой женщина. – Откуда в людях столько злости? Шерил, это ужасно, – горестно вздыхает соседка. – Теперь я понимаю, почему у Дороти сдали нервы. И что ты собираешься делать? Если тебя пригласят в Вашингтон?

– Найму сиделку, если оклад позволит. Если нет, останусь здесь, – потеряв виски кончиками пальцев, озвучиваю оба имеющихся у меня варианта.

– Я бы рада помочь....

– Мэри, ты и так для нас очень много делаешь, – не дав миссис Блум договорить, я протягиваю руки и сжимаю морщинистые ладони в своих. – Я не могу и дальше пользоваться твоей добротой.

– Помнишь, ты говорила, что тебе предлагали место в крупном издательском холдинге, финансирующем ваш университет? – задумчиво произносит Мэри. –

Может быть, ты зря отказалась?

– Мне предложили должность стажера с испытательным сроком на полгода без зачисления в штат, с ежемесячной оплатой полторы тысячи долларов, – нахмурившись, озвучиваю причины, по которым пришлось отклонить предложение, ставшее наверняка уже неактуальным, желающих попасть туда было немало, а выбрали меня... – К тому же офис находится в Нью-Йорке. Значит, я смогу приезжать сюда только на выходные. Да и сиделку на полторы тысячи мне не потянуть, – упавшим тоном рассуждаю я, но любительница кулинарных шоу не сдаётся, придвигает мне пирог с корицей и ненавязчиво настаивает на своём:

– Может тебе стоит позвонить туда и обсудить условия?

– Сомневаюсь, что шеф-редактор вообще станет разговаривать со мной. Целый месяц прошел со дня приглашения на собеседование. Я не появлялась, а тут вдруг позвоню и еще условия буду ставить.

– Газета, из которой вырезана статья, выпущена «PULSE holding». Это же туда тебя распределили от университета?

– Да? – я удивленно рассматриваю помятый листок. – И правда. «THE PULSE OF LIFE», – читаю название на верхнем крае. – Это их еженедельная газета. А я не заметила.

– Может, это знак? – глотнув чая из свой кружки, ободряюще улыбается мне миссис Блум. – Надо только решиться и рискнуть.

– Мэри, я не могу работать у тех, кто довел мою маму до психического срыва, – заявляю категорично, качая головой и сминая вырезку в кулаке. – Никакой это не знак. А еще одна веская причина, чтобы не связываться с «PULSE holding».

– Ты можешь рассказать им об этом инциденте, и возможно они улучшат условия, – Мери приводит еще один довод.

– Нет, это исключено, – опять нахожу причину возразить. Вескую на мой взгляд. – Ты только представь, как на меня там будут смотреть? Я и здесь-то устала от

того, что все показывают на меня пальцем, смотрят с жалостливым любопытством, задают дурацкие вопросы, на которые я не могу ответить, даже если бы сильно хотела.

- Шерил, дело твое, - произносит Мэри, но по интонации ее голоса приходит понимание, что женщина не одобряет мою упертую позицию. - Но я хочу для тебя лучшей судьбы и успешного будущего. Задумайся, что тебя держит в Балтиморе, кроме Дороти? С отцом ты общаешься мало, подруг у тебя нет, работы пока тоже.

- Ты и Сэм, - жалко улыбаюсь я.

- Так мы никуда не денемся, - всплеснув руками, смеется Мэри. - Тебе нужно жить, Шерил, вдохнуть полной грудью, общаться с новыми людьми, найти друзей и подруг в большом городе, где тебя никто не знает. Влюбиться, наконец. Тебе двадцать два года, а я ни разу не видела тебя с парнем.

- Они меня боятся, - признаюсь я с легкой досадой. - Наверное, думают, что Балтиморский психопат изуродовал мое тело, и я тоже сошла с ума, как мама.

- Не говори чепухи, - возмущенно отмахивается Мэри. - Никто так не думает. Сумасшедшие не оканчивают университет с отличием и не выглядят такими хорошенькими. Ты очень умная, Шерил. Ты достойна счастья. Послушай старую опытную Мери Блум. Если твоя карьера пойдет в гору, то ты почувствуешь себя другим человеком, станешь увереннее, расправишь плечи и избавишься от груза, давящего тебе на плечи столько лет. Как только появится возможность, ты сможешь забрать маму к себе, обеспечить ей лучшее лечение, наверняка способное помочь, а меня вы вместе будете навещать по праздникам и выходным. Как тебе такой план? Отличный?

- Фантастичный, - неуверенно пожимаю плечами и уныло вздыхаю.

- Ты не узнаешь, пока не попробуешь, Шерил.

- Я подумаю, Мэри.

Возможно, в словах добросердечной соседки и есть доля истины? Что я теряю, в конце концов, если позвоню в «PULSE publishing holding»?

Глава 3

США, Нью-Йорк

Оливер

– Мистер Кейн, ваш кофе, – раздаётся рядом бодрый энергичный голос. На свободном участке моего стола появляется кружка с ароматным напитком. – Эспрессо, черный, без сахара. Всё правильно? – симпатичная секретарша лучезарно улыбается мне, хлопая неестественно длинными ресницами. У нее темные, почти черные волосы, ярко-голубые глаза и маленькая родинка под правой бровью. Она милая и очень хочет мне понравиться, но это практически невыполнимая задача. Девушка абсолютно не в моем вкусе.

– Элис, – вспоминаю я ее имя и скупно улыбаюсь в ответ. Моя предыдущая секретарша пару месяцев назад уволилась в связи с переездом, а с новенькой мне толком не удалось поработать и познакомиться ближе. Последние недели выдались суматошными и богатыми на длительные деловые поездки. – Спасибо. Именно такой кофе я предпочитаю по утрам.

– Я очень рада видеть вас в офисе. Такая приятная неожиданность! – восклицает девушка. Я окидываю подчиненную недоумевающим взглядом. Что она имеет в виду? Вообще-то мое рабочее место находится именно здесь – в центральном офисе PULSE publishing holding, занимающем четыре этажа небоскреба на Манхэттене.

– Мисс Кейн говорила, что вы не появитесь до конца недели, – заметив мое замешательство, торопливо поясняет Элис. Мое внимание задерживается на полной груди, обтянутой фиолетовой блузкой. Мне не нравится цвет, но импонируют три верхние расстёгнутые пуговицы, позволяющие рассмотреть влекущую ложбинку. Может, все-таки у девчонки есть шанс мне понравиться.

– Я вернулся раньше, – отвечаю с вежливой улыбкой, лениво мазнув взглядом по крутым бедрам, подчёркнутым узкой юбкой с завышенной талией, изящным щиколоткам и классическим лодочкам миниатюрного размера на высокой шпильке. Привлекательная Элис, очень. Особенно если присмотреться получше. Но меня сложно удивить приятными внешними данными, стандартной красотой и стройным телом.

В огромном многопрофильном холдинге работают тысячи безупречных сексапильных красавиц с престижным образованием и жадным взглядом. Яркие очаровательные голодные пираньи с белоснежными зубками, мечтающие оторвать кусочек красивой жизни, по какой-то необъяснимой причине ассоциирующейся у них со мной. Эти наивные создания глубоко ошибаются, считая меня выгодным вариантом. Все что я имею, досталось мне без малейших усилий. Я не сделал ничего, чтобы занять кресло владельца успешно функционирующего издательского холдинга.

Бизнес перешел мне по наследству от деда по материнской линии, которого я никогда не видел, пока тот был жив, но принял наследство, взял его фамилию, окружил себя профессиональными заместителями и ассистентами, постепенно научился разбираться во всех хитросплетениях и нюансах управления холдингом, хотя по большому счету это было необязательно. Я мог изредка появляться в головном офисе, присутствовать на общих совещаниях и подписывать требующие моей визы документы.

Функционирование всех направлений холдинга по сей день зависит от решений и компетентности назначенных на местах шеф-редакторов, одним из которых является моя сестра Гвендолен. Она с гораздо большим энтузиазмом влилась в коллектив компании еще во время учебы в Колумбийском университете, принимала активное участие во всех сферах деятельности холдинга, стажировалась у специалистов самого высокого уровня, посещала многочисленные светские мероприятия и пресс-конференции, где работали журналисты PULSE holding, чтобы иметь четкое представление, как создаются громкие новости и кричащие заголовки.

– Я могу быть чем-то полезна? – сверкнув кристально-белыми винирами, Элис бросает на меня наигранно-смущенный взгляд, несущий в себе противоположное значение. «Не хотите ли трахнуть меня, мистер Кейн?». Нет, спасибо. Не сегодня, Элис.

– Я оставил пакет новых договоров в приемной, на твоём столе. Их необходимо рассортировать и отправить подписанные экземпляры по указанным адресатам, – ухмыльнувшись мысленному диалогу, нейтрально распоряжаюсь я, продолжая откровенно рассматривать сексуальную секретаршу. Конечно же, она заметила, как я пялюсь на выдающееся части стройного тела, и сейчас активно пытается понять, что мной движет. Банальное любопытство или же искренний интерес.

Ни то, ни другое.

– Элис, оставь нас, – резко бросает ворвавшаяся в кабинет взволнованная и источающая негодование Гвен. Не взглянув на торопливо семенящую к выходу секретаршу, стремительно пересекает оформленный в исключительно-светлых тонах просторный кабинет и усаживается в кресло напротив, вперив в меня настойчивый раздраженный взгляд.

– Что это, Оли? – на стол небрежно падает вчерашний выпуск «PULSE OF LIFE», задевая кружку, и несколько капель черного кофе выплёскивается на белоснежное блюдце. Я неприязненно морщусь, отодвигаю газету в сторону и промокаю пролившийся напиток бумажной салфеткой.

– Осторожнее, Гвендолен. Мы не дома, здесь я твой официальный руководитель, а не старший брат. Не забывай о субординации, – сухо выговариваю я. В обращённых на меня синих глазах сверкают слезы, уголки накрашенных губ предательски дергаются.

– Зачем? За моей спиной? – сдавленно выдыхает сестра, тщательно пытаюсь сохранить самообладание. – Ты за этим ездил в редакцию «LIFE»? Знал, что я никогда не отправлю в печать макет с ... этим материалом, – Гвен нервно тычет пальцем в газету.

– Ты – главный редактор «PULSE Beauty journal», – напоминаю невозмутимо. – А статья, которую ты имеешь в виду, в журнале о красоте, моде и последних новостях в сфере искусства и шоу-бизнеса была бы абсолютно неуместна. Согласись? – она недовольно хмурится под моим пронизательным взглядом. – К тому же, как владелец пятидесяти процентов акций, я имею полное право отправить в печать любой материал, который сочту нужным, в обход решения главного редактора.

- Значит, ты не отрицаешь, что был в курсе? – вызывающе уточняет Гвендолен.

- Не отрицаю.

- Твоих рук дело? Ты автор статьи?

- Нет, Гвен. Не я.

- Только не говори... – округлив глаза, выдыхает сестра. Недоверие в потемневших глазах сменяется потрясением.

- Да, – подтверждаю я сестринскую догадку. Она издает сдавленный горловой звук. Растирает пальцами шею, словно ей не хватает воздуха.

- Почему ты позволяешь ему? – наконец спрашивает Гвен.

- Это его условие, – коротко отвечаю я, опуская взгляд в кружку с остывшим кофе. Мое спокойствие выводит Гвен из себя, и она переходит на крик:

- Какое к черту условие?!

- Не забывай, где мы находимся. Успокойся, Гвен, – строго оговариваю сестру. Она закрывает рот дрожащими пальцами, но надолго ее сдержанности не хватает.

- Как я могу успокоиться? – срывающимся шепотом говорит Гвендолен. – Мы итак чертовски рискуем, Оливер. Если кто-то начнет копать подноготную Дэниэла Кейна, и всплывет информация о нашей матери...

- Не всплывет, Гвен, – уверенно заявляю я, не дав сестре договорить. Она боится, что мы снова можем оказаться в центре скандала, но на этот раз женские опасения беспочвенны. Наша мать была единственной и, к сожалению, внебрачной дочерью Дэниэла Кейна, документально они не были связаны и никогда не встречались. Однако это не помешало Кейну помочь нашей семье начать жизнь с нуля, на новом месте. Дед действовал издалека, через своих поверенных, отказываясь общаться с нами лично, но в конечном итоге отдал дело своей жизни, недвижимость и огромные капиталы внукам от непризнанной

дочери. Его мотивы до сих пор являются для меня необъяснимой загадкой, которую я вряд ли смогу решить, потому что тех, кто ее загадал, давно нет в живых.

– Почему он не оставит нас в покое, Оли? – подавленно всхлипывает Гвен. Я поднимаюсь из-за стола, чтобы утешить сестру, и она доверчиво бросается в мои объятия, почти беззвучно плачет на моем плече, заливая пиджак горькими слезами, пока я успокаивающе глажу ее вздрагивающую спину. – Мы могли бы избавиться от него... – шепчет она едва слышно. – И от его чёртовой кошки.

– Мы не можем, Гвен, – отзываюсь тихо. Я бы тоже этого хотел, но никогда не озвучу сестре свои мысли.

– Иногда я боюсь, что он убьет тебя и займет твое место, – едва слышно признается Гвендолен, цепляясь пальцами за лацканы пиджака, и с отчаянным страхом смотрит в мои глаза. – Я уверена, что он способен.

– Ты посмотрелась фильмов, Гвен, – улыбаюсь мягко, стирая ее слезы большими пальцами. – Ты знаешь меня с детства и всегда сможешь заметить подмену.

– Я не уверена, Оли, – Гвен освобождается из моих объятий и отступает в сторону, берет со стола газету, судорожно сжимая в руках. – Эта статья... Мне показалось.... Нет, я была уверена, – сбивчиво пытается сформулировать мысль, – что ее написал ты. Только не понимала зачем. Он копирует тебя, понимаешь?

– Гвендолен, я должен кое-что сказать... – сделав глубокий вздох, отхожу к большому окну во всю стену и задумчиво смотрю на циркулирующий внизу неиссякаемый поток людей и машин. – За все время, что мы работаем здесь... – делаю паузу, чтобы решиться и продолжить. – Я ни одной статьи, ни одной заметки не написал сам. У меня нет литературного таланта, – голос звучит уверенно, но внутри поднимается протест и раздражение. Не просто признаваться в собственной несостоятельности кому бы то ни было. Даже младшей сестре, безоговорочно любящей меня. – Ты помнишь, что моим коньком всегда были точные науки. Я далек от творчества, от искусства. В отличие от ... Дилана.

– Ты спятил, Оли? – спиной ощущаю ее изумление, слышу потрясенный вздох.

– Гвен, это его единственный шанс общаться с миром, – я пытаюсь объяснить? Черт, кажется, я действительно это делаю. Выгораживаю его, оправдываю себя за то, что поддаюсь на манипуляции Дилана, хотя заявлял обратное. – Он чудовище, Гвен, я знаю, – проговариваю быстро, прежде чем сестра начнет возражать. Она не знает его так хорошо, как я. И слава Богу. Знать Дилана хорошо – смертельно-опасное удовольствие. – Но очень одаренное чудовище. Я собираюсь выпустить пробный тираж его рукописи в одном из издательских домов «Пульса».

– Дилан пишет книгу? – недоверчиво спрашивает Гвен. Она ошеломлена. Сегодня день откровений. Для нас обоих. – Не наброски шизофренических фантазий? – ее шаги приближаются. Сестра встает рядом со мной и тоже смотрит на город. – Полноценную книгу с сюжетной линией?

– Да, я читал ее, Гвен, – киваю я, и мы одновременно поворачиваемся и встречаемся взглядами. – И это неудивительно, Гвен. Он прочитал почти все книги из библиотеки деда.

– Почти все время находясь в кромешной темноте. Как он это делает, Оли? – недоумевает сестра.

– Включает свет, – натянуто улыбаясь, поясняю я. Она удивленно хлопает ресницами. – Но есть подозрение, что Дилан умеет видеть в темноте не хуже, чем его кошка.

– О чем она? – без тени улыбки напряженно спрашивает Гвен. – Книга, – дополняет, заметив замешательство на моем лице.

– О Шерри, – убрав руки в карманы брюк, я перевожу взгляд за стекло, бесцельно смотрю в окна небоскреба напротив.

– О кошке? Ты смеёшься? – снова раздражается Гвен. Я отрицательно качаю головой.

– Нет. О Шерил Рэмси, единственной выжившей девочке ... После общения с ним.

В кабинете воцаряется тягостное молчание. Боковым зрением вижу, как Гвен опускает голову вниз, сжимая ладони в кулачки, тут же пряча их за спиной.

- Есть еще ты. И я. Мы живем с ним. В одном доме, - тихо говорит она.

- Это другое, Гвен. Мы нужны ему, чтобы жить. Дилан не тронет нас, пока зависим. А зависим он будет всегда.

- Я хочу прочитать эту книгу, Оливер, - нерешительно произносит Гвен. - Она окончена?

- Нет, я видел всего несколько глав, но он допишет, - уверенно заявляю я, почувствовав сомнение в голосе сестры. Однако она удивила меня отсутствием бурных возражений и опасений, обусловленных вероятным содержанием в книге биографических моментов, касающихся нас всех.

- И под каким именем ты планируешь ее выпустить? - интересуется Гвен.

- Под своим.

- Он согласен?

- Да, - подтверждаю коротким кивком. - Это его решение. Дилан отказался от псевдонима и хочет, чтобы на книге стояло мое имя, - говорю я, чувствуя, как начинает неприятно тянуть связки и царапать в горле. Гвен безмолвно смотрит на меня. Я поворачиваю голову и встречаю ее задумчивый остекленевший взгляд. - Но есть еще кое-что... - нехотя добавляю я.

- Что? - настороженно спрашивает сестра, слегка сдвинув брови к переносице.

- Дилан хочет, чтобы над редактурой его рукописи работала сама Шерил Рэмси.

США, Мериленд, г. Балтимор

Шерри

Тишина в маминной комнате не вызывает отторжения, она кажется привычной, естественной и знакомой до боли. После ухода отца здесь всегда тихо.

Несмотря на серьезное заболевание, Дороти всегда щепетильно следила за порядком в своей спальне и во всем доме, ежедневно перебирала вещи в шкафах, складывая их идеально-ровными стопочками, натирала полы до блеска, раз в неделю мыла окна и меняла шторы, любила ковыряться в небольшом саду на заднем дворе. Рутинные и бытовые обязанности позволяли ей отвлечься от мучающих ночных кошмаров и тяжелых мыслей. Я понимала это и не мешала...

Сколько вечеров мы провели с ней здесь наедине, в односторонних попытках диалога с моей стороны? Осторожные ненавязчивые вопросы, откровенные признания, беспечная болтовня о событиях, случившихся за день. Она не слушала, занималась своими делами, а я не прекращала говорить, потому что звук собственного голоса напоминал, что я все еще жива и относительно здорова.

Маме было все равно, как прошел мой день, как обстоят дела в университете, с поисками работы, есть ли у меня подруги или парень, чего мне хочется от жизни, о чем плачу. Она все чаще уходила в свой вымышленный мир, где меня, к сожалению, не было, и вспоминала обо мне, возвращаясь оттуда на считанные часы. Самые ценные и счастливые часы, когда мама узнавала меня, говорила со мной и не называла именем сестры.

Когда-то я мечтала быть похожей на Руби, а сейчас ненавижу наше проявившееся в подростковые годы сходство. Ненавижу ее узнаваемые черты в себе, потому что их вижу не только я, но и мама, и отец, и старые знакомые, много лет сторонящиеся меня, как прокаженной. Я не злюсь на них, их реакция объяснима и понятна.

Как только я вернулась домой из больницы, все хотели помочь, поддержать, сочувствовали, утешали, но по мере того, как всплывали имена опознанных жертв Уолтера Хадсона и раскрывались новые обстоятельства дела Балтиморского маньяка, жалость в глазах людей сменялась ужасом. Я пугала их, как безнадежные раковые больные пугают здоровых людей, несмотря на то, что их недуг не заразен. Моя замкнутость, немногословность и отчужденность только усиливали разрыв между мной и вчерашними знакомыми, а маминное заболевание сделало пропасть непреодолимой. Когда ушел отец, нас стали подчеркнута игнорировать, записав обеих в ряды психбольных, но и сейчас до

меня периодически доходили отголоски пересудов и сплетен соседей.

Сложнее всего приходилось в школе, где я была изгоем, невидимкой, белой вороной. Со мной общались только отчаянные и бунтари, на спор или ради извращенного любопытства. Самые распространённые вопросы смельчаков: видела ли я, как убивали мою сестру, и что успел сделать со мной Хадсон. Даже если бы я захотела удовлетворить нездоровый интерес сверстников, не смогла бы рассказать больше, чем написано в полицейских отчетах. Мое милосердное подсознание защитило меня от безумия и ночных кошмаров, стерев память о тех днях, что пришлось провести в логове Хадсона. Жаль, что подсознание мамы не сделало того же самого для нее. Возможно, причина безумия Дороти заключается в том, что она хотела помнить...

Я сажусь на аккуратно заправленную кровать и провожу пальцами по подушке и бежевому мягкому покрывалу, ложусь на середину кровати, копируя привычную мамину позу. Вытянутые ноги и опущенные вдоль тела руки, слегка теребящие ткань покрывала. Вся стена напротив завешана семейными фотографиями, сделанными до исчезновения Руби. Их так много, что рябит в глазах, давит на грудь неподъёмным грузом. Алтарь памяти, который мне не позволили убрать. Я пыталась, и не раз, но мама впадала в нервную истерию, и я возвращала снимки в рамках обратно на стену.

В комнате стоит густой сладковатый цветочный аромат, пропитавший все вокруг, включая постельное белье, занавески, одежду. С небольшого диванчика у окна смотрят на меня пустыми глазами мягкие игрушки и куклы, которыми играла Руби в детстве, ее любимая розовая толстовка с капюшоном, на тумбочке последний прочитанный старшей сестрой журнал с заломленной страницей, баночки с ее косметикой, расчёска, пудреница, старый флакон с любимым ароматом духов и новый, точно такой же. Это тот самый аромат, витающий в воздухе.

Все вещи Руби лежат нетронутыми в шкафу, в ее комнате, куда я не заходила много лет. Я не хочу и не могу себя заставить сделать это. Во мне живёт какой-то суеверный страх, что сестра все еще там. Что стоит мне открыть дверь, я увижу ее темные раскосые глаза и услышу слегка насмешливый голос: «Брысь отсюда, Шерри». Руби любила подтрунивать надо мной, как обычно старшие сестры цепляют младших, а я до жути любила сестренку и немного завидовала ее красоте и легкости, с которой Руби давалось все, за что бы она ни бралась, и тому, как ее любили все без исключения. Она была яркой, энергичной, шумной,

смешливой, сумасбродной, влюбчивой и склонной к эксцентричным поступкам. Живая, настоящая, отчаянная. Руби была невероятной, особенной и даже боль своим близким доставляла особым изысканным способом, и страдала она тоже красиво, драматично, на разрыв. Когда она плакала, мы из кожи вон лезли, чтобы заставить ее улыбнуться. А если не выходило, то плакали вместе с ней.

Руби была солнцем, порой безжалостным и жгучим, а иногда теплым и ласковым, и когда оно погасло, мир обратился во тьму и холод, наполнился безысходностью и унынием. Когда ее не стало, наш дом умер вместе с ней. Мы все лишились части души и сердца, осиротели и не смогли смириться с утратой.

Лежа на постели матери в окружении вещей, напоминающих о старшей сестре, вдыхая запах ее любимых духов и глядя на фотографии, с которых беспечно смеется постепенно взрослеющая красавица Руби Рэмси, я ощущаю жуткое опустошение и тоскливое одиночество, затаившееся в каждом уголке дома. Контраст между счастливыми лицами на снимках под стеклом и суровой действительностью безжалостно резок и неумолим. Если бы можно было вернуться назад и прожить те легкие радостные дни снова... Остаться там, где мы все верили в чудесное будущее, особенное для каждого... Невозможное для Руби, погрявшее в безумии для Дороти и неопределённое для меня.

Самым стойким оказался отец. Нельзя категорично сказать, что он бросил нас с мамой, предал или забыл. Нельзя обвинить человека в том, что он выбрал жизнь и воспользовался шансом обрести новое счастье, решился переступить черту, сделал шаг вперед, вырвавшись из жуткого скорбного вчера. Нельзя заподозрить отца в слабости или лицемерии. В какой-то мере он оказался сильнее нас. Эгоистично и неправильно судить его за это. Я знаю, что папа тоже был убит горем, он как мужчина еще острее чувствовал свою беспомощность, неспособность что-либо изменить и вину за то, что не сумел защитить и уберечь семью от трагедии. Общее горе не всегда сплачивает и объединяет. Чаше оно обладает противоположным эффектом, погружая каждого в индивидуальный котел боли, отталкивает друг от друга некогда родных и близких людей, рвет самые крепкие нити, разрушает изнутри, отравляет...

В меланхоличный поток мыслей врывается вибрирующий рык мобильного телефона. Я вздрагиваю от неожиданности и тянусь за ним к тумбочке. В списке моих контактов не наберётся и десяти человек, еще меньше тех, кто мне хотя бы изредка звонят. Пару секунд я с опаской гипнотизирую экран телефона с высветившимся незнакомым номером. Вдруг это из клиники по поводу мамы?

Хотя чаще с неизвестных контактов прессуют разного рода продавцы услуг и дурацких товаров. Однако пока существует первый вариант, сбросить вызов нельзя.

- Шерил Рэмси? – официально произносит приятный женский голос, стоит только нажать зеленую кнопку. Я напрягаюсь всем телом, ладони мгновенно становятся влажными.

- Да, это я, – сглотнув, хриплю я.

- Меня зовут Гвендолен Кейн, я главный редактор PULSE Beauty journal, – представляется собеседница, и меня топит облегчение. Даже свет в спальне кажется ярче и теплее. – Университет Балтимора рекомендовал вашу кандидатуру по программе распределения для трудоустройства в нашем холдинге. Мы отправляли вам анкету, но до сих пор не дождалась ответа, – сообщает Гвендолен Кейн. Я возбужденно подсказываю на кровати, едва не выронив телефон.

- Да, я собиралась позвонить вам, – бормочу срывающимся голосом. – Я не заполнила анкету, потому что...

- Это неважно, – меня бесцеремонно затыкают. – Я хочу пригласить вас на собеседование.

- Я согласна, – отвечаю быстро. – В Нью-Йорк?

- Да, адрес главного офиса «Пульс Холдинг» у вас есть?

- Да, – автоматически киваю я. – Когда?

- Завтра сможете приехать?

- Смогу, – закусив губу, соглашаюсь я. – Вакансия стажера? – уточняю на всякий случай.

- Нет. У меня для вас есть индивидуальное предложение с выгодными условиями. Я уверена, что они вас удовлетворят больше, чем те, что указаны в

анкете, – уверенно говорит Гвендолен. У нее очень молодой голос, я почему-то уверена, что мы почти ровесницы. Главный редактор звонит мне лично. С ума сойти.

– Я буду рада рассмотреть ваше предложение, мисс...

– Мисс Кейн. Можно просто Гвен. Я жду вас в два часа дня. В приёмной сообщите, что вы к главному редактору, и секретарь поможет сориентироваться. Всего доброго, Шерил. До завтра, – лаконично прощается со мной просто Гвен и сбрасывает вызов. Ошалев от неожиданности, я какое-то время слушаю короткие гудки в трубке, пытаюсь осмыслить, что только что произошло. А потом выскакиваю из комнаты и со всех ног несусь в свою комнату собирать вещи, потом бегу к миссис Блум, чтобы поделиться радостной новостью и передать дубликат ключей от нашего дома.

– Мэри, я так волнуюсь, – встревоженно озвучиваю свои внутренние страхи. – Не хочу оставлять маму одну. Вдруг мне придётся задержаться...

– Шерри, милая, – мягко произносит соседка, поглаживая толстый бок развалившегося рядом с ней спящего бульдога. – Дороти в больнице. В безопасности. Под наблюдением. Ты всегда можешь связаться с лечащим врачом. В выходные будешь приезжать и навещать ее, а за домом мы с Сэмом присмотрим. Поезжай и ни о чем не переживай, – ободряюще улыбается Мэри. – От таких предложений не отказываются. Это Нью-Йорк, детка. Другой мир и шанс на новую глянцевую жизнь. Я верю, что у тебя все получится.

– Спасибо, Мэри. Ты всегда находишь правильные слова, – сердечно благодарю добрую женщину. Она крепко обнимает меня, и мне кажется, что я успела увидеть выступившие слезы на ее глазах.

– Я буду скучать по тебе, Шерри. Не забывай о старушке Мэри. Звони мне иногда.

– Ты торопишь события. Меня еще не приняли.

– Главный редактор не будет звонить каждому кандидату на вакансию. Скорее всего, предварительное решение в твою пользу уже вынесено.

Глава 4

США. Нью-Йорк

Оливер

– Она здесь, в приемной, – в полголоса сообщает Гвен, закрывая дверь моего кабинета и проходя внутрь. Я отрываюсь от изучения графиков продаж последних изданных продуктов холдинга и, подняв голову из-за монитора, пристально оглядываю взволнованного шеф-редактора. Она заметно нервничает: в глазах тревога, скулы заострились от напряжения, лицо неестественно-бледное, и даже яркая красная помада и стильный бирюзовый брючный костюм с нежно-голубой блузкой не спасают ситуацию. Главный редактор должен быть выдержанным, хладнокровным, в меру высокомерным и исключительно-профессиональным. А сейчас передо мной растерянная напуганная двадцати пятилетняя девчонка, трясущаяся от боязни провалить поставленную задачу. Приходится признать, что в таком состоянии Гвен вряд ли способна беспристрастно вести собеседование, а я не хочу, чтобы она спугнула мисс Рэмси или создала неправильное впечатление.

Сдвинув клавиатуру в сторону, я откидываюсь на анатомическую спинку и взглядом приглашаю Гвен присесть в кресло напротив. Она садится, вцепившись в подлокотники побелевшими пальцами. Несколько секунд спокойно и уверенно смотрю в выразительные насыщенно-синие глаза сестры.

– Ты же понимаешь, что это наш единственный шанс узнать, что произошло на самом деле в том чертовом доме? – спрашиваю ровным глубоким голосом. Гвен сдвигает брови, выражая несогласие. – Я знаю, что ты хотела бы забыть, но мы не сможем это сделать, пока Дилан живет с нами. Он готов рассказать правду, пусть таким вот странным образом, но это необходимо всем нам.

– Она может узнать тебя. У вас с Диланом одно лицо, – озвучивает Гвен свое главное опасение. Признаюсь, меня этот момент тоже волнует и напрягает, поэтому личную встречу с мисс Рэмси я намереваюсь откладывать так долго, как смогу.

– Прошло больше пятнадцати лет, – сухо говорю я. – Ей было семь, и в материалах дела сообщалось, что девочка не смогла ничего вспомнить о похитителе, о том, что случилось с ее сестрой, и месте, где их обеих удерживали.

– А если сейчас она вспомнила? – в голосе сестры страх.

– Мы скоро об этом узнаем, Гвен. Не волнуйся, я предусмотрел все возможные сложности и недоразумения. Даже если девушка что-то вспомнит, то не сможет никому ничего сказать.

– Это все неправильно, – нервно убирая за ухо выбившийся из высокой причёски тёмный локон, негромко пытается отстоять свою позицию сестра. – И жестоко, Оливер. Шерил Рэмси итак пережила ад, а мы снова собираемся окунуть ее в пекло.

– Мы все пережили ад, Гвендолен. Правда никого не воскресит, не спасет и не оправдает, но мы должны знать. Имеем на это такое же право, как и Шерил Рэмси. Соберись, милая. Ни ты, ни я не причастны к тому, что случилось с этой девушкой и ее сестрой. Мы оказались такими же заложниками той трагедии, как и она.

– Хорошо, – выдыхает Гвен, медленно поднимаясь из кресла. – Если ты считаешь, что это необходимо... – она вымученно улыбается, возвращая на лицо невозмутимую маску, и расплавляет плечи. – Ты будешь наблюдать за ходом собеседования?

– Да, – я киваю, загружая на экране онлайн-запись видеокамер из кабинета Гвен. – Наушник не забудь подключить. Если у меня возникнут какие-то вопросы, я озвучу тебе, а ты задашь их Шерил. Готова?

– Да, – твёрдо отвечает Гвендолен. Я удовлетворенно улыбаюсь. Она не лукавит, не переоценивает свои возможности и действительно выглядит собранной и самоуверенной. Сестренка готова.

– Удачи, – ободряюще бросаю я, когда в дверях Гвен оборачивается и смотрит на меня в поисках поддержки. Слабая улыбка мелькает на накрашенных губах, она делает короткий выдох и выходит в коридор, покидая мой кабинет, цокая по

покрытию острыми каблучками.

Шерри

– Итак, мисс Рэмси, я немного расскажу о компании, далее мы перейдем непосредственно к обсуждению вакансии, – после обмена приветствиями и пристального изучения моей анкеты, улыбается мне красными губами утонченная и прекрасная Гвендолен Кейн, пока я, бледная, как моль, и голодная как волк пытаюсь не свалиться в обморок от окружающей меня стильной роскоши. Леди-босс за столом напротив выглядит, как английская принцесса, и пахнет соответствующе, чего нельзя сказать обо мне. После четырех часов в автобусе и нескольких часов плутания по самому Нью-Йорку не потяну даже на замученную тяжелой работой золушку до ее превращения в принцессу.

Стоило мне подняться на последний из этажей, арендуемых холдингом, все надежды на то, что меня примут в штат, рухнули. Я слишком проста для этого места, неуместна, и никакие волшебные преобразования и финансовые вложения тут не помогут. Офис поразил меня масштабами и оригинальным дизайном, ослепил преобладанием светлых тонов в интерьере, резко контрастирующими с черно-белым геометрическим орнаментом, разделяющим полуоткрытые пространства офисов на зоны. Я минут двадцать бродила по запутанным коридорам, мимо заполненных стильными сотрудниками опенспейсов, тренинг-классами, переговорными комнатами, окруженными стеклянными перегородками, лаундж-зонами и закрытыми кабинетами руководителей, периодически налетала на прозрачные перегородки из стекла, не заметив их на своем пути и проклиная свою неуклюжесть.

Сотрудники «Пульс Холдинг», до жути похожие друг на друга, благодаря строгому дресс-коду, не поднимали затылков из-за мониторов рабочих компьютеров, а те, кто попадались навстречу, окидывали меня таким взглядом, что вопрос «Где найти приемную?» застревал в горле. Однако я справилась. И даже не опоздала.

– Первое издательство было основано Даниэлем Кейном сорок пять лет назад и выпускало узконаправленные издания, рецепты, кроссворды, рекламные буклеты небольшим тиражом, – немного пафосно и с ноткой усталости продолжает главный редактор, возвращая мои мысли в светлый кабинет с

лаконичной мебелью и большими окнами.

Мисс Кейн молодая, как я и предполагала, сверкающая, стройная, изысканная и настолько безупречная, что хочется встать из удобного до тоскливого сожаления кресла, попросить прощения, что отняла пять минут ее драгоценного времени, и сбежать отсюда, пока мне не заявили в лоб, что моя кандидатура не подходит. Такого удара по раздавленному самолюбию я не переживу.

– На настоящий момент «Пульс холдинг» входит в десятку лидеров издательского бизнеса, где зарекомендовал себя как серьёзный игрок с безупречной репутацией. В пакет наших товаров входят: еженедельная новостная газета и три ежемесячных журнала в направлениях: бизнес, красота и искусство, а также занимаемся изданием художественной и обучающей литературы. Непосредственно в этом офисе находятся редакции двух журналов: PULSE Beauty journal и PULSE business journal. Наша главная цель – подготовка качественного и оригинального контента для изданий холдинга, и эффективное, взаимовыгодное сотрудничество с деловыми партнёрами. В команде холдинга работают лучшие редакторы, журналисты, аналитики, маркетологи, дизайнеры и специалисты по рекламным проектам. И если я правильно поняла, то ваше присутствие здесь является прямым свидетельством того, что вы не против примкнуть к большой команде «Пульс Холдинг»?

Мисс Кейн замолкает, выжидающе глядя на меня. Несколько раз моргнув, я стращиваю наваждение, пытаюсь вспомнить последнюю сказанную потенциальным работодателям фразу, и неожиданно начинаю злиться на собственную амебность. Черт, соберись, Шерри, хватит ставить себя на ступень ниже остальных, ты не хуже этой холеной молодой и успешной Гвендолен, в свои максимум двадцать пять забравшейся в кресло главного редактора. Может, лоска и самоуверенности мне действительно не хватает, и внешне я ей сильно проигрываю, но зато мозги на месте.

– Попасть в постоянный штат вашей команды – моя заветная мечта, мисс Кейн, – без лицемерия и подхалимажа, достаточно ровно и максимально искренне произношу я. Молодая женщина окидывает меня внимательным задумчивым взглядом и едва заметно улыбается. В бирюзовых выразительных глазах мелькает удовлетворение.

– Похвальное рвение, – заключает Гвендолен. – Ваша анкета и рекомендации, полученные из Балтиморского университета, говорят о том, что вы обладаете

всеми необходимыми качествами для открытой вакансии, – добавляет она, заставляя меня задержать дыхание и изумленно выпучить глаза.

– Вы меня берете? – недоверчиво спрашиваю севшим голосом.

– Есть несколько нюансов, мисс Рэмси, которые хотелось бы прояснить, – лаконично отвечает Гвендолен, не спеша снять камень с моих плеч. – У вас имеется небольшой опыт стажировки в университетской газете и награды за участие в литературных конкурсах, но, сами понимаете, что для того, чтобы я могла вам доверить ведение колонки в наших изданиях, этого недостаточно.

– Да, я готова обучаться, – торопливо бормочу я, сконфуженно теребя складку на мешковатой офисной юбке блеклого серого цвета. – Могу начать с самых азов. Я знаю, что у вас предусмотрен длительный испытательный срок для стажеров, не предусматривающий зачисление в штат на данный период, но...

– Я зачислю вас в штат до истечения испытательного срока, мисс Рэмси, – прерывает меня шеф-редактор, вновь повергнув в счастливо-шоковое состояние. – Сократив период адаптации... скажем до трех месяцев. Я назначу вам оклад пять тысяч долларов ежемесячно с дальнейшим повышением в два раза, если меня устроят результаты вашей работы. Также я готова выплатить аванс в размере пятидесяти процентов в ближайшие дни, если вы без промедления приступите к вашим обязанностям.

– Вы шутите? – ошарашено выдыхаю я, во все глаза пялясь на невозмутимую мисс Кейн. На поразительно красивом лице проскальзывает досадное выражение, вызванное неизвестными мне причинами. Гвендолен отрицательно качает головой.

– Средства понадобятся для срочного переезда, – поясняет она, постукивая наконечником ручки по моей анкете и неотрывно наблюдая за бурей эмоций на моем лице. – Вы готовы приступить к работе с понедельника?

– Но сегодня пятница...

– Ответ надо дать сегодня, мисс Рэмси, – настойчиво произносит мисс Кейн категоричным тоном. – Вас что-то смущает? Исходя из вашей анкеты, вы не замужем.

- Да, но у меня больная мама... - я продолжаю мямлить.

- Балтимор находится в нескольких часах езды от Нью-Йорка, - сухо произносит Гвендолен Кейн, в потемневших глазах тлеет раздражение. Проглотив возражение, я хаотично киваю. Такого шанса больше мне может никогда не представиться. Пять тысяч долларов... Я не могла даже мечтать о подобном богатстве. Две с половиной я получу сразу. Смогу оплатить сиделку для мамы, выкупить необходимые лекарства, и даже останется на парочку новых вещей для себя.

- Я согласна, мисс Кейн, - прочистив горло, оглашаю свое решение.

- Значит, подписываем трудовой договор? Я правильно поняла? - вскинув выразительные брови, уточняет Гвендолен.

- Да, - снова киваю, как послушный болванчик.

- Есть несколько условий, которые я должна вам сообщить, Шерил. Я могу вас так называть?

- Да, разумеется.

- Итак, Шерил, наше сотрудничество мы начнем с работы над рукописью одного неизвестного автора. В течение трех месяцев, по мере поступления глав, вы будете переносить текст с бумажного носителя на электронный, корректировать и вносить редакторские правки, если они понадобятся. Содержание рукописи и имя автора должны оставаться в секрете до официального релиза книги. Поэтому обязательным условием будет подписание дополнительного соглашения о неразглашении данной информации, нарушение и неисполнение оно повлечет за собой штраф в размере ста тысяч долларов.

- Ого... - вырывается у меня удивленный возглас. - И что это за рукопись? Биография президента Трампа?

- Нет, - с натянутой улыбкой опровергает главред. - Обсуждать содержание глав вы не имеете права ни с кем, включая меня. Ваше мнение относительно отработанного материала принадлежит только вам, и делиться впечатлениями

строго запрещено. Вы передаете мне готовые файлы каждой главы, а дальше я занимаюсь окончательной редактурой.

– Хорошо, – недоуменно потираю переносицу двумя пальцами. На самом деле очень странно, а не хорошо. – Мне не с кем делиться впечатлениями, мисс Кейн.

– Гвен, я просила называть меня именно так. Здесь так принято, Шерил, – морщится главный редактор, поправляя выправившийся иссиня-черный локон, а я в очередной раз поражаюсь ее фарфоровой утонченной красоте.

– Я поняла, Гвен, – нетвёрдым голосом отвечаю я.

– Последнее условие, Шерил, – ее острый взгляд впивается в мое лицо. – Работать над рукописью ты будешь не в офисе, а в моем доме. Имеется в виду постоянное проживание. Так мне будет спокойнее, а у тебя не появится соблазна нарушить договор о неразглашении. К тому же ты сэкономишь на аренде жилья в Нью-Йорке.

– Это звучит...

– Странно? – подсказывает Гвен. – В творческой профессии очень мало нормального, не так ли? Я объяснила тебе свою мотивацию. Переживать абсолютно не о чем, Шерил. Дом огромный, находится недалеко от города, в красивом, уединенном, живописном месте. В доме есть приходящая прислуга, повар, шофер и садовник. У вас будет возможность обращаться к ним с любой просьбой на правах гостя. Я предоставляю тебе отдельную комнату, обустроенное рабочее место. Как и у всех сотрудников «Пульс Холдинг», у тебя будут выходные дни и свободное время после шести вечера, которое ты сможешь проводить, как угодно. Должна предупредить, что пункты неразглашения распространяются также на место временного проживания и на все, что ты увидишь или услышишь внутри дома, – заметив тревожное недоумевающее выражение на моем лице, Гвен бесстрастно рассеивает мои неприятные предчувствия и подозрения. – Не стоит напрягаться, Шерил. Я всего лишь пытаюсь защитить от досужих сплетен свое личное пространство. Необходимые меры предосторожности, не более.

– Вы меня успокоили, – с облегчением выдыхаю я, хотя червячок сомнений и неуверенности все еще точит меня изнутри. – У вас есть семья? Кто-то еще

живёт в доме?

– Брат, но вы вряд ли встретитесь. Я поселю тебя в другом крыле, и к тому же Оливер, как и я, кране занятой человек.

– Он тоже работает здесь?

– Да. Мой брат – владелец «Пулс Холдинг», – оглушает меня обескураживающей новостью будущий работодатель.

– Оу... – изумленно выдыхаю я. Теперь понятно, как Гвен досталась ее должность. Родственные связи – весомый козырь для продвижения по карьерной лестнице. – Он намного вас старше? – нетактичный вопрос вырывается сам по себе, но забирать его назад я не стану.

– Оливеру Кейну тридцать четыре года, – не выдав недовольства, невозмутимо отвечает Гвен. – Мне двадцать шесть. Должность главного редактора я занимаю два года. Еще есть вопросы?

– Нет, – вспыхнув, мотаю головой. В голове шумит от притока крови, виски сжимает надвигающаяся мигрень. Надо просто успокоиться и взять себя в руки. Все же складывается благополучно, да?

– Тогда я пишу секретарю, чтобы готовила документы? – вроде ожидаемый и логичный вопрос, но что-то в груди тревожно сжимается. Протестует, требуя сказать «нет». Да что, черт возьми, со мной происходит?

– Да, – утвердительно киваю я, ощущая, как по позвоночнику ползут мурашки, а щеки начинают предательски гореть. Так бывает, только когда на меня кто-то упорно пялится на улице, но здесь кроме нас с мисс Кейн никого нет, и в данную минуту она не смотрит на меня, а набирает сообщение тонкими изящными пальцами в своем ноутбуке. Однако сверлящее ощущение чужеродного пристального взгляда не отступает, прожигая во мне невидимые дыры. Жар сменяется холодным ознобом, сердце стучит с перебоями. Поёжившись, я поднимаю голову и обвожу настороженным взглядом кабинет, натываясь на глазок камеры в потолке возле вентиляционного отверстия, и на мгновение перестаю дышать и застываю, чувствуя покалывание в оцепеневших мышцах. И вроде бы нет ничего необычного в установленных в офисе камерах наблюдения,

но внутри все переворачивается от необъяснимого противоестественного страха. Списываю свою тревогу на усталость и разыгравшееся воображение.

Да кому ты нужна, Шерри? Тебе только что предложили работу с оплатой, даже и не снившейся тебе, а ты паникуешь на пустом месте, вместо того, чтобы благодарить Гвендолен Кейн за предоставленный шанс.

– Я рада, что нам удалось договориться, – без особого энтузиазма изрекает Гвен Кейн, возвращая к себе мое внимание. Почему меня не покидает ощущение, что она совсем не рада моему согласию? Что едва терпит мое присутствие? – Я свяжусь с тобой в воскресенье и подробно объясню, как добраться до «Kanehousgarden». Не забудь взять необходимые вещи. Аванс переведут в течение дня, – по-деловому сдержанно сообщает Гвен.

– У вашего дома есть название? – удивлённо интересуюсь я.

– Да, мы с братом придумали его сами, – отстраненным тоном отвечает Гвендолен. – Это все, что вам нужно знать. В дальнейшем обойдёмся без вопросов в отношении моей семьи и личной жизни. Это лишнее, Шерил, – подчеркнуто строго заканчивает главред.

– Конечно, я понимаю, – смущенно бормочу я. – Извините за бестактность.

– Не извиняйся, Шерил, – вежливая неживая улыбка приподнимает уголки красивых губ. – Это здоровое любопытство, учитывая не совсем обычные обстоятельства.

Оливер

Гвен отлично справляется с собеседованием, не считая парочки эмоциональных промахов. Я, как человек, знающий ее с рождения, замечаю напряжение, сквозившее в каждом произнесенном слове. Иногда приходится подсказывать в наушник вопросы, которые стоит озвучить и обсудить до подписания трудового договора. В конечном итоге все складывается как по нотам.

Мисс Рэмси предсказуемо смущают не совсем стандартные условия будущего сотрудничества, но отказаться она не решается. В ее плачевном финансовом положении наше предложение равносильно подарку на Рождество. Никто не предложит неопытному молодому журналисту гонорар больше, чем озвучила Гвен.

Деньги по-прежнему решают львиную долю вопросов в положительную сторону, а хорошие деньги делают это быстро и без лишних уговоров. В данном случае дело вовсе не в алчности со стороны мисс Рэмси, а в обстоятельствах, вынудивших ее принять предложение в сжатые сроки. Девушка два месяца находится в поиске работы, мать в больнице, счета растут, помощь от отца поступает в весьма скромных размерах и нестабильно. Издательские дома и редакции, находящиеся в Балтиморе, предлагают мизерные зарплаты, не способные улучшить положение семьи, а на подработки написанием дипломных и курсовых работ времени не оставят. В Вашингтоне у Шерил был шанс подыскать подходящее место с хорошими условиями, но помешало резкое обострение в болезни матери...

Картинка с камер, выведенная на экран моего компьютера, не самого лучшего качества, искажает цветовую гамму, немного рябит. В самом начале собеседования я был слегка разочарован непрезентабельным внешним видом заикающейся от волнения Шерил Рэмси, хотя видел ее фото в анкете. В реальности девушка выглядит совсем иначе. Не хуже, не лучше. Просто другая. Невысокая пепельная блондинка с детским лицом, угловатая, болезненно-бледная, безвкусно одетая, но дело даже не в стоимости вещей, а неправильно подобранном размере. Мышиного цвета жакет и юбка висят на ней, как на палке, полностью скрадывая очертания фигуры, если, конечно, там есть что скрадывать... Единственное яркое пятно – фиалковая блузка с высоким воротником, только подчеркивающая синеватую бледность лица. Любителям блондинок может понравиться цвет ее волос, но в скрученном на затылке пучке невозможно оценить их длину и густоту.

В общем и целом, мисс Рэмси представляет собой весьма невзрачное зрелище, причём я уверен, что делает она это намеренно. Подсознательно выбирает невидимый режим, чтобы держаться подальше от не вызывающего доверия опасного мира. Мне никогда не понять, что в ней могло так зацепить Дилана, почему спустя пятнадцать лет он не забыл ее. Этот вопрос я ему непременно задам, но подозреваю, что причина в том, что Шерил Рэмси является единственным связующим живым звеном с чудовищным прошлым, похоронить

которое не получилось ни у кого из нас.

Глядя на поникшие плечи Шерил, неуверенный потухший взгляд, нервную жестикуляцию, слушая дрожащий робкий голос, я понимаю, что она тоже не излечилась. Вызванная шоком амнезия защитила ее разум, скрыв события тех дней, проведенных в адовом чистилище, но подсознание все еще хранит весь тот ужас, что довелось испытать семилетней девочке, запертой в доме, наводненном монстрами. Гвен считает несправедливым то, что мы собираемся сделать, но у меня на этот счет несколько иное мнение.

Единственный способ избавиться от страха – взглянуть ему в лицо. Призрачный выстроенный на шатком фундаменте мир – не спасение, а пристанище самообмана. И, несмотря на риск обрушения, я все-таки готов растревожить спящих призраков и вытащить все спрятанные скелеты и нераскрытые тайны, хранящиеся на замурованном чердаке. Я много лет надеялся, что однажды Дилан нарушит молчание и заговорит о том, что случилось пятнадцать лет назад, но он терпеливо ждал выполнения своего главного условия.

Монстру нужна Шерил Рэмси, а мне – правда.

Звучит дико, но физически девушке ничто не угрожает. Она никогда не узнает, кто заперт на чердаке «Kanehousgarden», а у него нет ни единого шанса выбраться оттуда.

– Тогда я пишу секретарю, чтобы готовила документы? – отвлекает меня от размышлений прохладный голос Гвен. Вот он момент икс, хотя я уверен, что решение уже принято. Я заостряю внимание на задумчиво-рассеянном лице Шерил. Она все время держит голову немного опущенной, бросая на Гвен быстрые пугливые взгляды исподлобья, поэтому мне не удастся как следует рассмотреть ее более подробно.

– Да, – коротко и тихо отвечает Шерил, вызывая у меня ироничную улыбку. Ну, еще бы ты сказала «нет», маленькая бедная птичка, не подозревающая, что самолично захлопнула дверцу клетки.

Не успеваю я окончательно расслабиться, как «бедная птичка» внезапно поднимает головку и настороженным взглядом обводит кабинет Гвен. Не с любопытством, а словно почувствовав угрозу. Интуиция? Подсознание?

Её широко распахнутые глаза останавливаются на крошечной скрытой камере и смотрят прямо на меня. Да, я знаю, что это невозможно, но физически ощущаю пронизывающий изучающий взгляд, резонирующий с напугано-невинным обликом мисс Рэмси. Я упускаю нить мысли, потерявшись в темных глазах, кажущихся неестественно большими и яркими на бледном хрупком лице. Черные и горящие, как раскаленные угли, глубокие, как бездонные тоннели. Они затягивают, сканируют, прощупывают и парализуют, вызывая острое желание отвернуться, но при этом держат так, что невозможно отвести взгляд. Непроизвольно ломаю зажатый в кулаке карандаш, и только боль от впившегося в ладонь неровного обломка возвращает меня в реальность. В это же мгновение Шерил Рэмси переключает свое внимание на Гвен, и я, наконец, набираю воздух в опустевшие легкие. Какого хера только что произошло? У меня галлюцинации, или мисс Рэмси действительно заставила меня вспотеть от напряжения, никак не связанного с сексуальным возбуждением?

Удовлетворение от удачно провернутого дела рассыпается прахом, когда я вспоминаю, что уже видел такой взгляд. Точно также на меня смотрел только один человек.

Дилан Кейн. Мой безумный близнец.

Потрясённый внезапным открытием я пропускаю момент, когда покрасневшая от волнения Шерил Рэмси заканчивает разговор с Гвен и встаёт из кресла, чтобы покинуть кабинет. Ее взгляд бегло задерживается на глазке камеры. Девушка одёргивает подол великоватой бесформенной юбки, нервно хмурится, на впалых щеках горит смущение от допущенной в конце беседы неловкости. Сейчас в ее черных глазах нет ничего, что напрягло меня несколькими минутами ранее. Однако я продолжаю с непонятной тревогой всматриваться в тонкие и, как оказалось, правильные черты лица, неловкие резковатые жесты....

– Благодарю, что дали мне шанс, Гвен. Я приложу все усилия, чтобы вы не заметили недостаток опыта, – обращается Шерил к моей сестре мелодичным и приятным голосом, поразительно отличающимся от невнятного бормотания в начале собеседования.

Шерри

– Вот здесь подпиши, – тычет аккуратным пальчиком секретарь Гвендолен Кейн на пустую строчку в конце страницы. Как только я ставлю свой росчерк, она подсовывает следующую. – И здесь, – не дав мне времени пробежаться по тексту, торопит меня Роуз Макензи. Ее имя написано на табличке, приколотой к шёлковой пудрово-белой блузке, красиво облегающей женственные изгибы. Взволнованная и счастливая я практически не читаю, что подписываю, полностью доверяя профессионалам, работающим в крупном издательском холдинге с безупречной репутацией. Зачем кому-то дурить меня и обманывать? Строчки плывут перед глазами, пока разум пытается осознать свалившуюся на меня удачу.

– Последняя страница, – подсказывает Роуз. Я быстро расписываюсь напротив своей фамилии, и договор мгновенно исчезает в кожаной папке. – Второй экземпляр получишь чуть позже. Необходима виза генерального директора, – я поднимаю взгляд на симпатичную секретаршу с миловидным личиком и силиконовыми губами. Еще одна красивая надушенная дорогими духами кукла в брендовых шмотках и с безупречным маникюром. Не офис, а какая-то секретная лаборатория по созданию клонов.

Роуз Макензи тем временем не менее пристально рассматривает меня, не скрывая своего недоумения, и пренебрежительно морщит маленький вздернутый носик. Еще бы, я в салоне красоты ни разу в жизни не была, из косметики в замшевой старой сумке только гигиеническая помада и крем для рук. Расческа еще, зеркальце и влажные салфетки. Вот и все мои сокровища. Однако белой вороной или дурнушкой себя не считаю. Знаю, что если постараюсь, переплюну заносчивую Роуз в два счета, но не хочу. Не хочу ни пристального внимания, ни спонсорской помощи от богатых мужиков, ни похотливых взглядов и дорогих подарков. Нет во мне тяги к любовным приключениям, к сердечным страстям, к легкой красивой жизни. Слишком разные у нас с мисс Макензи цели и взгляды на будущее. При помощи силиконовых губ и наращённых ресниц статью на Пулитцеровскую премию не напишешь. К тому же надо признать, что интеллект в красивых сексуальных женщинах замечают далеко не сразу.

– Родственница дальняя? – закончив осмотр, выдает Роуз первую возникшую в куриных мозгах версию.

– Ага, – киваю я, расплываясь в лучезарной улыбке, от которой мою собеседницу буквально перекашивает. – Очень бедная и очень дальняя, – добавляю заговорчески и подмигиваю опешившей секретарше. Пока она мучительно-долго подбирает ответ, я разворачиваюсь на невысоких каблуках, переживших не один финансовый кризис туфлей, и уверенной походкой покидаю стильно оформленную приемную, занырнув в первый попавшийся длинный коридор, потом еще в один и еще..., пока не понимаю, что снова заблудилась, а спросить, как отсюда выбраться на волю, не у кого. Обеденное время. Офис словно весь разом вымер. Клоны строем видимо обедать ходят.

Невесело улыбнувшись собственной несмешной шутке, поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов назад и, подняв голову, ищу на стенах указатели. Надо было с этого начинать, но я же была уверена, что запомнила дорогу. Чёртов территориальный кретинизм. А еще что-то про Роуз и ее куриные мозги рассуждала... Выдыхаю, только оказавшись в безлюдном лифтовом холле. Поочередно вызываю все три, нетерпеливо постукивая каблуком по мраморному полу с абстрактным рисунком. Глазею на экраны с мелькающими этажами.

– Да что за... – раздраженно возмущаюсь я, поняв, что ни один не находится в непосредственной близости. Больше всего ненавижу ждать и догонять. Мне жалко даже минуту впустую потерянного времени.

И вдруг это снова происходит. Неприятное царапающее ощущение чужого пристального взгляда. Я резко мотаю головой сначала в одну сторону. Никого. Пустые рабочие места, разделённые пластиковыми перегородками. Потом в другую. По проходу, пролегающему между зонами опенспейсов, движется процессия из двух мужчин в строгих деловых костюмах и семенящей вслед за ними девушки в невероятно-узкой юбке и на высоченных каблуках.

Никто из них не обращает на меня ни малейшего внимания. А вот мой взгляд непроизвольно задерживается на занятых серьезным разговором мужчинах. Интерес вызван резким контрастом в их внешности. Обоим за тридцать, высокие, привлекательные, подтянутые, стильно и дорого одетые, но при этом абсолютно разные. Один практически альбинос, светлые волосы, ресницы, бледная кожа, бледно-голубые глаза, тонкие бесцветные губы, сосредоточенное выражение лица. Стального цвета деловой костюм только подчеркивает необычную наружность. Очень плавная жестикуляция и легкая, хотя и уверенная походка. Он напоминает мне эльфов из фэнтезийных фильмов, обожаемых мной, и поэтому заочно вызывает симпатию. Второй же, напротив,

внушает ощущение неясной тревоги, в стальных тисках сжавшей мое бешено забившееся сердце. Властный, самоуверенный, жесткий, опасный – первое, что приходит в голову, пока я с растущим напряжением изучаю решительно шагающего по коридору незнакомца. Он гораздо шире в плечах, мощнее. Смуглый, темноволосый, с холодными непроницаемыми глазами и четкими мужественными чертами лица. Каждое движение, жест, поворот головы, бесстрастный взгляд, уверенно окидывающий пространство, целеустремленная походка и аура безграничной силы выдают в нем бескомпромиссного и успешного человека.

Нет никаких сомнений, что это и есть владелец «Пульс Холдинг» – Оливер Кейн.

Откуда я знаю? Ну, во-первых, настолько подавляющей энергией и завышенной самоуверенностью в купе со снисходительной полуулыбкой и чувством собственного превосходства может обладать исключительно руководитель высшего звена, самого высшего.

Во-вторых, внешнее сходство с Гвендолен заметно невооружённым взглядом. Такие же яркие синие глаза, высокие скулы, красиво вылепленные губы. Необычная и цепляющая привлекательность, нестандартная породистая красота. Что-то языческое прослеживается как в Гвен, так и в ее брате. Что-то неимоверно пугающее, хищное, непредсказуемое. Мне сложно подобрать правильные и точно характеризующие слова, чтобы выразить весь водоворот впечатлений, произведенных обоими Кейнами.

Знаю только одно, что от первоначальной безмерной радости от полученной должности не остается и следа. Мысль о том, что ближайшие три месяца мне придется провести под одной крышей с Гвен и Оливером Кейнами больше не кажется такой привлекательной. Наоборот, она вызывает подотчётный страх и предчувствие неминуемой беды. Подсознание буквально кричит о том, что я поспешила подписать договор, совершив тем самым роковую непоправимую ошибку. Могу ли я отказаться? Еще не поздно...

Двери лифта открываются, рассеивая паническое наваждение. Не отрывая взгляда от удаляющейся широкой спины Оливера Кейна, я пчусь в зеркальную кабинку. В голове шумит от сумбурных мыслей и усиленного кровотока. Отвернувшись, я жму на кнопку первого этажа. Дверцы начинают медленно закрываться, и, поддавшись необъяснимому импульсу, снова смотрю в сторону удаляющейся процессии... и обмираю от ужаса, впечатавшись спиной в стенку

лифта.

Оливер Кейн отстал от своих спутников и, развернувшись, смотрит прямо на меня. В прищуренных глазах нечитаемое выражение, лицо абсолютно бесстрастно, а меня пронизывает ощущение, словно тысячи острых осколков от разбившихся в кабинке лифте зеркал впиваются в мою кожу. Сердце падает в пятки, горло перехватывает, по покрывшейся холодной испариной спине табуном несутся мурашки, ладони леденеют ... Дверцы наконец смыкаются, и я обессиленно сползаю по стене на пол, отчаянно пытаюсь отдышаться. Плотно сжимаю веки, погружаясь в исцеляющую тьму, успокаивающую разыгравшееся воображение и бешеный пульс крови в венах. Но даже там, в крошечной мгле, где обычно мои страхи отступают, я продолжаю видеть пронизывающие безжалостные глаза, безумные, жестокие, одержимые... одинокие. Знакомые до глухой ноющей боли под ребрами.

Пора вернуться домой, Шерри, – многократным эхом раздаётся в голове шелестящий обволакивающий шепот. Всхлипнув, я прижимаю ладони к ушам, забиваясь в угол.

Что происходит, черт возьми?

Стиснув зубы, я прогоняю чёрный туман из мыслей и открываю глаза, глядя на собственное отражение в зеркальной стене, позволяя реальности заполнить мое сознание.

Вдох-выдох... Поднимаюсь на ноги, поправляя одежду. Через секунду я уже полностью владею собой. Выхожу из лифта и сдержанно улыбаюсь вежливому охраннику, желающему мне хорошего дня.

Над Нью-Йорком сгущаются тучи, проливаясь на пыльный город прохладным дождем. Я без зонта и малейшего представления, в какой стороне находится ближайшая станция метро. Сливаясь с вечно спешащей толпой, я двигаюсь наугад, и как ни странно через час оказываюсь в нужном месте.

Прогулка под дождем проясняет спутанные мысли, очищает от иллюзорных страхов. Кажется, я знаю, что послужило причиной панической атаки. Подсознание сопротивляется грядущим переменам, вступая в конфликт с разумом и оберегая меня от стрессов. Уверена, что Дженнис Гилбер пришла бы к

такому же выводу, поделись я с ней пережитыми ощущениями. Но мне не нужны консультации психолога, чтобы разобраться в себе.

Глава 5

Шерри

Такси съезжает с шумной трассы на узкую дорогу, и я словно попадаю в другой мир. Ни одного автомобиля по встречке, вокруг лесополоса и небольшие островки пестрящих разноцветием лужаек. Ни птиц, ни людей, ни животных. Глушь и тишина. Радиоволна начинает прыгать и исчезать, когда машина сворачивает снова. Мы бесконечно долго едем вдоль возникшего словно из неоткуда высокого кирпичного забора с элементами кованого железа и массивными столбами, «украшенными» головами льва. Выглядит это жутко, мистически. Сердце колошматится и сбивается вместе с рваными басами из хрипящих динамиков.

– Вы не перепутали адрес? – я заметно нервничаю, прижимая к груди дорожную сумку, в которую влезло все мое имущество на первое время.

– Нет, мне дали точные координаты, куда вас доставить, – не самым дружелюбным тоном отзывается таксист. Я тяжело вздыхаю, снова прячась за своей сумкой. Вряд ли Гвен могла ошибиться, заказывая для меня такси. Как и обещала, работодательница взяла на себя все расходы и хлопоты с моим переездом. И все-таки... Я с опаской поглядываю в окно. Одна из кованых львиных морд, кажется, смотрит прямо на меня и зловеще скалится, а еще чертов ветер, внезапно спрятавший солнце за тяжелыми облаками. В серых красках помрачневшего неба создается впечатление, что день близится к своему завершению, но в действительности еще и полудня нет. Я непроизвольно сглатываю образовавшийся в горле комок равно дозированных тревоги и дурного предчувствия.

Автомобиль останавливается возле стальных глухих ворот, из-за которых мне видны только верхушки деревьев. Я выхожу, обеими руками удерживая сумку, цепляясь за нее, как за последний оплот реальности. Порывом холодного ветра меня чуть не сбивает с ног. Я направляюсь к металлическим воротам, стараясь

не смотреть на оскалившиеся львиные пасти, венчающие опорные столбы. Не вижу ни домофона, ни звонка, никаких других выступающих рельефов. За спиной, скрипя шинами и утробно рыкнув, поспешно сбегает обратно в цивилизацию желтое такси. Становится так тихо, что я слышу, как испуганно колотится мое сердце. Занесло же меня... Я зябко ежусь и топчусь на мете, с опаской оглядываясь по сторонам.

Надо позвонить Гвен, сообщить, что я на месте. Мелькает в голове вполне разумная мысль, но я почему-то не спешу доставать телефон из кармана темно-графитового укороченного пальто. Небо темнеет сильнее, тяжело нависая предгрозовыми тучами. Под ноги летят пожухшие сухие листья, в воздухе пахнет сыростью и увядающим садом... Я снова озираюсь, мотая головой, как болванчик, и подпрыгиваю от неожиданности, когда с механическим скрежетом массивные ворота начинают разъезжаться в стороны.

Все это так сильно пугает меня, что я не сразу замечаю мелькнувшую впереди высокую стройную женскую фигурку. Прищурившись, я узнаю Гвендолен Кейн. Безупречно-прекрасную и такую же холодную, как это место. Сердце падает в пятки от ее равнодушной студеной улыбки. Не слишком ли рано ты объявилась, Снежная Королева? Еще только середина осени. Хочется развернуться и сбежать, но вместо этого я шагаю в открывшийся проем.

– Привет, Шерил, – натянуто и, как мне показалось, нетерпеливо приветствует Гвен, окидывая меня беглым взглядом. Ни рукопожатия, ни вежливого кивка. – Ты выглядишь лучше, чем в нашу последнюю встречу.

Это комплимент? Если да, то очень сомнительный. Опять, как полная идиотка, я прикрываюсь дорожной сумкой.

– Как доехала? – вымученная вежливость этой молодой женщины меня до жути злит, но я копирую выражение ее лица и сдержанно киваю. Новый порыв ветра доносит тонкий шлейф ее дорогих духов.

– Хорошо. Здесь... тихо, – выжимаю из себя максимум.

– Пойдем за мной, – коротко повелевает спящая красавица этого забытого Богом королевства и поворачивается ко мне спиной. Кажется, я определилась, какой образ ей подходит больше всего. Наконец-то можно выдохнуть и рассмотреть

мисс Кейн. Хотя бы сзади. На ней стильная кожаная куртка, узкие брюки и короткие сапожки на квадратном устойчивом каблуке. Темные волосы собраны в аккуратную высокую прическу. Она намного выше меня, и я едва успеваю за ее уверенными быстрыми шагами, давясь от зависти, что еще нескоро смогу позволить себе такие же духи. И так изрядно потратилась на парочку вещей и обувь. Торопливо постукивая каблуками новых туфель по рыжей тротуарной плитке, я чувствую себя девочкой Элли, чей домик занесло ураганом в волшебную страну, но вот только никаких волшебных предчувствий на этот счёт у меня не возникает.

– Я тороплюсь в офис, Шерил. Поэтому сейчас быстро покажу тебе твою комнату и рабочее место. С остальным разберемся, когда я вернусь, – подает голос Гвендолен. И я, наконец, отрываю взгляд от ровной дорожки и смотрю на «замок», в котором буду работать и жить в ближайшие несколько месяцев.

– Ого, – выдыхаю я, останавливаясь и задирая голову.

Дом просто мега огромный и с прилегающей территорией не меньше двух гектаров. Недавно отреставрированный, с белоснежными штукатурными стенами, широкими окнами и стеклянными террасами, располагающимися по обе стороны от парадного крыльца. Ландшафтный дизайн сдержанный, лаконичный. Цветочные клумбы, розовые кусты, стриженные газоны, обвитые лианами беседки, журчащие мраморные фонтанчики и кованые лавочки. Дом действительно похож на замок спящей красавицы, тщательно скрытый старыми яблонями, высаженными вдоль периметра высокого забора.

Я поднимаюсь вслед за Гвендолен по ступеням крыльца, придерживаясь за резные перила и ощущая, как с каждым новым шагом все сильнее пересыхает в горле. Захожу в распахнутые двери и непроизвольно щурюсь. В глазах темнеет, хотя в холле, соединяющемся с огромной гостиной, обилие окон и света. Слишком много белого, что можно ослепнуть. Взгляд цепляется за букет розовых гортензий в вазе на столе и еще один поменьше на столешнице камина.

– Доброе пожаловать в «Kanehousgarden», – с напускной доброжелательностью произносит хозяйка дома. Мне чудится, или я действительно слышу, как эхо ее слов отражается от высоких потолков и зловеще шелестит в моей голове совсем другим голосом:

«Вот ты и дома, Шерри».

Дилан

Мне нравится, как скрипит грифель о лист бумаги, вспарывая тишину умиротворяюще-царапающими звуками. Именно поэтому я пишу исключительно карандашом. Исключительно в темноте, хотя Оливер считает иначе. Он уверен, что я включаю настольную лампу, как только остаюсь один. Оли не понимает... Мне не нужен свет, чтобы видеть очертания комнаты и буквы, складывающиеся в аккуратные строчки. Мне не нужен свет, чтобы ежедневно читать сотни страниц многочисленных книг, которые брат приносит из покрывшейся пылью библиотеки. Скоро они закончатся, и мне не останется ничего, кроме собственного воображения.

Я никогда не склоняюсь над столом, тщательно выводя слова и стараясь успеть за мелькающей в голове мыслью. Моя спина прямая, руки расслаблены, взгляд, рассекающий тьму, прикован к исписанному листу. Перевернув его, я беру следующий. Карандаш начинает свое путешествие по бумаге, создавая особое музыкальное сопровождение моему вдохновению. Губы растягиваются в улыбке, потому что в этот момент я испытываю настоящее удовольствие, ни с чем несравнимое наслаждение. Это чистое и естественное чувство, которым хочется поделиться не только с Шерри, рыжими глазами смотрящей на меня с края стола. На самом деле мои строки написаны для одного единственного читателя.

И это не Оливер.

Он не поймет.

Слишком приземлённый, эгоистичный и заикленный на удовлетворении собственных нужд. Его мир, несмотря на видимую свободу, скован жесткими рамками, потребностями, низменными пустыми желаниями, в то время как мой, заточенный в толстые стены, запечатанный железными дверями – безграничен.

– Ты согласна со мной, Шерри? – говорю я. Отвлёкшись на мгновение от своего творения, протягиваю руку и запускаю пальцы в мягкую шелковистую шерсть. Кошка доверчиво подается навстречу ласке и благосклонно мурлычет, лениво растекаясь на столешнице. Мягкая, теплая и живая. Обманчиво спокойная, но

всегда готовая выпустить острые когти из пушистых лапок и запустить клыки в неуютную руку. Я глажу ее мягкий живот, чувствую, как быстро под ладонью бьется маленькое кошачье сердце.

Я не сразу свыкся с присутствием Шерри, посягнувшей на мое стерильно-брезгливое одиночество. Шум, грязь, посторонние запахи жутко злят и огорчают меня. Я едва выдерживаю короткие минуты посещения Оливера и Гвен, хотя последняя никогда не переступала порог комнаты, дрожа от страха по другую сторону решетки.

Страх ускоряет обменные процессы организма, выбрасывает адреналин в кровь...

Страх имеет запах. Острый и резкий. Он исходит от всех, кто трясется в нерешительности за дверью, и превращается в нестерпимую вонь, когда нежеланный посетитель оказывается внутри.

Только Шерри не боялась. Она выбрала меня сама, когда ее принесли в дом совсем маленьким неуклюжим котенком. Нашла мое убежище и больше его не покидала.

– Что такое? – заметив, как кошка наострила уши и встала на четыре лапы, выгнув спину, я сосредоточенно вслушиваюсь в тишину. Она всегда раньше меня определяет приближение нарушителей нашего уединения. Раз Шерри не шипит, вздыбив шерсть на холке, а всего лишь спрыгивает со стола и вальяжно направляется к двери, можно гарантировать, что нежеланный посетитель – Оливер.

Удивительно, но Оливера кошка тоже признала, ластится и вьется у его ног, когда он приходит, но жить предпочитает со мной. Проглотив раздражение, я встаю и направляюсь в угол. Кладу ладони на стену, сливаясь с вытянутыми насмешливыми тенями, слушаю, как скрежещет ключ в одном замке, другом, как приближаются глухо-знакомые настороженные шаги. В ноздри врывается едкий запах подавляемого страха, дождевой свежести и горько-мятного дыхания.

– Здравствуй, Дилан. Шерил Рэмси здесь, – произносит он напряженным голосом. Слишком быстро, взволнованно. Я всегда знал, что Оливер жалкий трус.

Я медленно выдыхаю и оборачиваюсь, впиваясь взглядом в слеповатозирающего во тьме близнеца. Бесшумно ступая, я незаметно приближаюсь, неторопливо кружу вокруг, разглядывая застывшего брата со всех сторон, пытаюсь уловить в букете исходящих от него ароматов тот единственный, принадлежащий не ему. Предательница Шерри, громко мурлыча, трется о его брюки. Она отвлекает Оливера от опасности, ассоциирующейся в его узком представлении со мной. Я позволяю себе на секунду представить, как так же бесшумно возвращаюсь к столу, беру свой остро заточенный карандаш и одним точным неумолимым движением загоняю любимый мною предмет канцелярии в сонную артерию Оливера. Мой отец имел медицинское образование и успел многому меня научить. Ему нравилось рассказывать о разных способах лишения жизни, либо воли к сопротивлению. Первая категория всегда оставляет после себя много лишнего и отвратительного. Вторая гораздо чище и интереснее.

Но сейчас я четко вижу, как бы Оливер дернулся, почувствовав в своей шее заточенный карандаш, как бы зашатался и захрипел, хватаясь за горло, как бы скрючивалось в судорогах его тело на полу, в расползающейся темно-бордовой луже. Я там, я чувствую металлический соленый запах крови, пота, мочи, ужаса и смерти, последние шорохи, сдавленный хлюпающий хрип, мягкая поступь лапок Шерри, прямо к кромке расползающегося кровавого озера. Она наклоняет пушистую мордочку и начинает лакать, мурлыкая и прикрывая глаза от удовольствия, пока я вывожу строки на белом листе окровавленным грифелем.

А потом ... Потом я встаю, забираю Шерри и ухожу, запирая Оливера здесь.

Замуровываю двери.

Чтобы никто никогда не узнал, кто на самом деле похоронен на темном чердаке.

Улыбка растягивает мои губы до предела, превращаясь в хищный оскал. Это было бы восхитительно, чудесно, возбуждающе, но очень и очень грязно.

А я ненавижу грязь в своем доме. И я не убиваю руками, хотя иногда соблазн чертовски силен.

– Дилан! – нервно бросает брат. Я стою прямо перед ним, но Оливер не видит. Мы оба смеемся над ним. И я, и Шерри. Она по-кошачьи, а я молча, надрывно. – Я выполнил твоё условие. Твой черед.

– Не кричи, я тебя отлично слышу, – вкрадчиво отзываюсь я. Резко отшатнувшись, Оливер чертыхается, щуря постепенно привыкающие к темноте глаза. После двух минут он начинает различать неясные очертания, еще через две может уверенно передвигаться по комнате, но так, как мы с Шерри, видеть не способен.

Я прохожу к столу и включаю свет, чтобы больше не напрягать его зрение. Взяв исписанные карандашом листы, за исключением последнего, я сжимаю их в руке и оборачиваюсь к выжидающе наблюдающим за мной Оливеру.

– Моя часть сделки, – медленно протягиваю ему страницы. – Она читает первой. Ты помнишь? – задаю уточняющий вопрос, когда первые главы моей рукописи оказываются в чужих руках. Не буду скрывать, мне тяжело с ними расставаться, но это необходимо.

Если я хочу вернуть ее, то должен чем-то пожертвовать.

Оливер

Я солгал Гвен, когда сказал, что читал рукопись Дилана, и про то, что в ней говорится о Шерри – тоже. Это была вынужденная ложь. Иначе она бы не согласилась участвовать в нашем с Диланом плане завлечения мисс Рэмси в «Kanehousgarden». Я понятия не имею, что скрывают строки, написанные рукой безумца, но Дилан обещал, что в них не будет ни одного лживого слова. Только правда. Такая, какой ее видит его больной мозг. Могу ли я доверять обещаниями Дилана? Безусловно. Он способен на многое, но не на ложь.

Но минуту назад, когда я тщетно пытался рассмотреть силуэт брата в кромешной темноте, но видя только два сверкающих кошачьих глаза, меня обуяла дикая паника, которой я давно не испытывал в присутствии сумасшедшего брата.

«Иногда я боюсь, что он убьет тебя и займет твое место», зловещим эхом мелькнул в голове взволнованный голос Гвен.

Почему сейчас? Почему именно сейчас я подумал об этом? Не то чтобы мне никогда не приходила в голову такая мысль... Я отбрасывал ее, отлично понимая, что степень социализации Дилана равна нулю, и он никогда не сможет притвориться мной. Черт, да любой человек, взглянув на него, поймет, что он конченный псих, а не Оливер Кейн.

- Какая она, Оли? - Дилан склоняет голову, немигающим пронизывающим взглядом наблюдая, как я складываю страницы в выуженный из кармана файл.

- Я не рассматривал, - передернув плечами, отвечаю я.

- Врешь, - не спорит, не опровергает, а утверждает Дилан.

- Что ты хочешь? Подробное описание? Фото? Я могу сделать видеозапись, если это освободит меня от разговоров об этой девушке и благоприятно повлияет на твое вдохновение.

- Хочу ее запах, Оли, - отрицательно тряхнув головой и поморщившись, словно я сказал абсурдную чушь, произносит Дилан. - Остальное нарисует мое воображение.

- Стянуть для тебя что-то из ее нижнего белья? - ухмыляюсь я. - Не думал, что тебя интересуют подобные вещи. Ты вообще знаешь, что делает мужчина с женщиной, оставаясь с ней наедине?

- Убивает, - белые зубы мелькают в дикой улыбке. - Ты забыл, что у меня был лучший учитель в области отношений?

- Ты сейчас пытаешься шутить? - уточняю, не скрывая потрясения, всматриваясь в неживые черты Дилана.

- У меня отсутствует чувство юмора. Ты все еще хочешь понять, как это происходило? В подробностях?

- Ты участвовал? - сглотнув, решаюсь спросить я. Мне не по себе. Я хочу и одновременно боюсь услышать ответ, но подобный шанс упускать нельзя. Это первый раз, когда Дилан настолько откровенно говорит о прошлом.

– Я не мешал, – коротко отвечает брат. Холодно и бесстрашно. Абсолютно равнодушно. У меня волоски на затылке встают дыбом. – И убирал за ним, – шаг в мою сторону, и между нами считанные сантиметры. От него, как всегда, ничем не пахнет. Стерильный ублюдок. Совершенно двинутый. – Они были красивыми, Оли. Юными, стройными, робкими. Он выбирал раненых, отринутых обществом, нелюбимых родителями, брошенных любовниками идеальных жертв, не способных сопротивляться в полную силу, разочарованных в жизни. Но последняя была особенной. Она так громко кричала, когда холодное лезвие ножа срезало с нее одежду вместе с кожей. Кровь и агония. Нестерпимая вонь и дикие взрывающие барабанные перепонки отчаянные обречённые вопли. Я стоял в углу, закрывая рот маленькой Шерри своей ладонью, и позволял смотреть, как мой отец убивает ее старшую сестру.

– Ты – псих, – с отвращением бросаю я.

– Да, абсолютный, – невозмутимо кивнув, Дилан медленно поднимает руку, демонстрируя мне тыльную сторону своей ладони. – Она гладила мои пальцы, те самые, которыми я после оттирал со стен и пола кровь последней жертвы.

– Что? – хрипло вырывается у меня.

– Она целовала мои пальцы, Оли, оставляя на моей коже свой приторно-сладкий запах. Я едва мог выносить ее, но она была единственной, кто никогда не считал меня психом.

– Ты ее освободил? Или отец? Как он умер, Дилан? Это ты поджог чертов дом? – от напряжения голос прозвучал рвано и сипло, но мне плевать, что брат в очередной раз сочтет меня слабаком, не способным держать нервы в узде. – Скажи хоть что-нибудь!

Дилан отступил назад, прищурил прозрачные глаза, уголки губ насмешливо дернулись.

– Принеси мне ее запах, Оли. На своих руках. И тогда получишь следующую главу, а вместе с ней ответы, в которых так остро нуждаешься.

Глава 6

Шерри

Мне выделили просторную гостевую комнату в правом крыле дома, показавшемся необитаемым и неуютным. Гвен пояснила, что хозяйские спальни находятся в другой половине, а здесь действительно очень редко появляются гости.

– Мы с братом много работаем, а дома предпочитаем отдыхать. Шума и общения нам хватает в офисе, – толкнув первую по коридору дверь, сообщает Гвен. Задерживается на пороге, оборачиваясь ко мне. Смотрит словно вскользь. – Вечеринок и дружеских тусовок в «Kanehousgarden» не бывает. Прислуга останавливается в гостевом доме на заднем дворе. Если тебе что-то понадобится, то с восьми утра до шести вечера сможешь найти там горничных и шофера. Повар приходит раньше, в шесть, готовит на целый день и к полудню уезжает. Кухню покажу позже. Еда хранится в холодильнике, в контейнерах, каждый подписан. С сегодняшнего дня рацион рассчитан на троих.

– Спасибо, – обескураженно бормочу я. Гвен удовлетворённо кивает, царским жестом распахивая двери.

– Заходи. Если есть какие-то пожелания, говори, я распоряжусь, – сухо произносит мисс Кейн. Мы проходим внутрь, и я с любопытством осматриваю предоставленные мне апартаменты.

Обстановка лаконичная, без изысков и дизайнерских выкрутасов. Простая, но добротная мебель из натуральных материалов, собственный санузел, что очень удобно. Кровать, гардеробная, компьютерный стол, пара стульев и туалетный столик с зеркалом. Большое окно с тяжелыми парчовыми гардинами с видом на сад, миниатюрный балкон, где располагается кресло-качалка из светлого дерева; оно мне понравилось больше всего. Так и представила, как я покачиваюсь по утрам с кружечкой кофе, открытой книжкой и люблюсь яблоневым садом.

– Мне все нравится, – говорю с улыбкой, замечая про себя, что в спальне нет телевизора.

– Отлично, – Гвендолен кивает, словно ставит очередную галочку в блокнот с намеченным планом. – Мы с братом любим тишину и уединение, – добавляет бесстрастным тоном.

– Я поняла, – отвечаю, положив сумку на кровать. Быстро подхожу к окну, распахивая гардины, чихаю от поднявшейся пыли. Видимо гостей тут никогда или очень давно не было, а прислуга не утруждалась тщательной уборкой пустующей половины дома.

– Пойдем, осталось показать, где ты будешь работать, – властные нотки в голосе шеф-редактора заставляют меня удивленно обернуться и посмотреть в удивительно-насыщенные синие глаза.

– Разве не здесь? – указываю взглядом на компьютерный стол в углу комнаты.

– Это место для сна и отдыха, Шерил, – поджав красивые губы, выговаривает Гвен и, не дождавшись ответа, разворачивается на каблуках и выходит из спальни. Вздохнув, я следую за ней. – Остальные комнаты в этом крыле заперты на ключ, – углубляясь все дальше по узкому коридору, продолжает инструктировать меня мисс Кейн. – Там нет ничего, кроме рухляди и пыли. Я бы не хотела, чтобы ты проявляла любопытство и слонялась по дому, как по музею, заглядывая во все двери.

– И в мыслях не было, – возмущенно оскорбляюсь я.

– Не обижайся. Я всего лишь озвучиваю правила, – невозмутимо поясняет Гвен. – Будет лучше, если ты ограничишь зону своего перемещения кухней, спальней и библиотекой. Сад и вся прилежащая к дому территория в твоём полном распоряжении. Если мы с Оливером захотим пригласить тебя в гостиную, то заблаговременно сообщим об этом, – она резко останавливается, и я чуть не влетаю в нее. – Вот и библиотека. – тяжелая деревянная дверь со скрипом открывается, и я оказываюсь в настоящем ... раю для книголюба.

– Вау... – выдыхаю восторженно, разглядывая полки, до самого потолка заполненные книгами. О, книжные боги, тут есть все. От современной прозы, классики и научной фантастики до рукописных единичных экземпляров ученых древности и антикварных подарочных изданий, цена за которые давно перевалила за сотни тысяч долларов. Старые потертые корешки редких

фолиантов так и зовут прикоснуться к ним, открыть и жадно пройтись по пожелтевшим страницам.

– Твоё рабочее место, Шерил, – Гвен остужает мой восхищенный восторг, показывая жестом на массивный стол из красного дерева, находящийся ровно по центру огромной библиотеки. Современная техника, нагроможденная на отполированную столешницу, и анатомическое офисное кресло кажутся неуместными. Гвен демонстративно смотрит на наручные часы. – Я оставляю тебя. Осмотрись пока, проверь, все ли оборудование находится в исправном состоянии, после можешь спуститься и пообедать. Кухня находится рядом с центральной гостиной на первом этаже. К обязанностям приступишь с завтрашнего дня. Страницы рукописи к девяти часам утра будут лежать на этом столе. Как только отработаешь их, вышлешь мне файл на почту... – она не договаривает, оборачиваясь на звук твердых шагов за нашими спинами.

– Гвендолен, будет лучше, если файл сначала посмотрю я, – решительно произносит глубокий мужской голос, от пронизывающих низких вибраций которого у меня холодеют ладони.

Оливер

Мисс Рэмси застывает, натянувшись, как тетива лука перед метким выстрелом. Ее замешательство и испуг читаются даже со спины, по которой с неторопливым интересом путешествует мой взгляд. Сегодня она одета гораздо лучше, я даже ощущаю тревожный щелчок в глубине подсознания, разглядывая угодившую в ловушку маленькую мышку. Хотя никакая она не мышка и совсем не маленькая. Плосковата и худовата на мой вкус, но не бесформенное чудо, каким появилась в офисе «Пулс-холдинга» несколько дней назад. Туфли на высоких каблуках зрительно удлиняют и итак не короткие ноги. Голубая блузка по размеру, чёрная узкая юбка до колена и такого же цвета укороченный жакет, подчёркивающий тонкую талию. Нехилый контраст с недавним образом. Как я и предполагал, Шерил Рэмси из категории девушек-невидимок, намеренно скрывающихся в невзрачном коконе, тем самым ограждая себя от ненужного интереса.

– Мы договаривались иначе, Оливер, – сдержанно возражает Гвен, хмурит тонкие темные брови, бросая на меня недовольный взгляд.

– Не забывай, что я не только хозяин в этом доме, но и владелец «Пульс холдинга», – мгновенно ставлю на место покрасневшую от возмущения сестру. Она не вступает в спор при посторонних, придерживаясь собственного свода этических правил. Гвендолен закусывает от досады губу и едва заметно кивает, простелив меня ледяным взглядом.

– Обсудим этот момент позже, Оливер. Сейчас мне пора, – она быстро смотрит на платиновый браслет часов от Картье. – Ты едешь со мной? – снова на меня и с нескрываемым раздражением на Шерри, стоящей ко мне спиной, что вопиюще невежливо с ее стороны.

Узкие плечи девушки заметно напряжены, голова опущена. Светлые волосы, как при первой встрече, туго собраны на затылке. Шея тонкая, длинная, притягивает взгляд своей белизной и уязвимой беззащитностью. Мисс Рэмси не спешит повернуться, словно оттягивая до последнего момент нежелательного контакта со мной. Я не слепой и реакцию неподдельного ужаса Шерил, обращенную на меня, заметил еще в день собеседования. Сейчас откровенная неприязнь ощущается сильнее, потому что мы находимся в непосредственной близости.

– Я задержусь и проконсультирую Шерил относительно ее будущих обязанностей, – сухо сообщаю я сестре. Она снова злится, но выражение ее лица удивительным образом возвращается к официально-деловому, когда мисс Рэмси наконец-то снисходит до того, чтобы взглянуть на меня.

Дежурная улыбка девушки трещит по швам, как и её выдержка. Кожа настолько бледная, что кажется прозрачной и сливается с цветом волос. Наши взгляды, ее пугливый нерешительный, и мой, напористый пристальный, сталкиваются на пару секунд, изучая, оценивая, присматриваясь друг к другу. Девичьи брови и ресницы на несколько тонов темнее волос, что делает правильные черты лица еще выразительнее. Высокие скулы, тонкий нос, розовые губки приятной формы. Шерил не яркая роковая красавица, но в ней определенно что-то есть. Что-то, транслирующее мне ощущение надвигающейся беды. Меня напрягает и ставит в замешательство ее стеклянный, холодный взгляд, зеркальный и глубокий одновременно. Я не замечаю в нем ни единого отблеска узнавания. Подозреваю, что страх и тревогу проецирует подсознание Шерил, интуитивно чувствуя во мне опасность. Закодированная память девушки все еще хранит лицо Дилана, являющееся точной копией моего.

– В дополнительных инструкциях нет необходимости. Я только что все подробно объяснила Шерил, – гнет свою линию Гвен, настырно перетягивая на себя мое внимание. И я прекрасно понимаю, почему она транслирует подобную модель поведения. Я никогда ранее не вмешивался в дела холдинга, точнее не навязывал свои решения, не диктовал условия, прислушиваясь к мнению Гвендолен, зная, что сестра теоретически и практически подкована лучше меня во всех направлениях деятельности «Пульса». И сейчас ей мерещится, что я решил ее подвинуть, сместить, но это совсем не так. Сейчас меня интересуют совершенно иные цели.

– Добрый день, мистер Кейн, – звенит, переливаясь, тонкий голосок Шерил Рэмси. – У вас удивительный дом, – формальная любезность неприятно режет слух. Она же напугана до смерти, а вынуждена вежливо лицемерить в глаза, демонстрируя всем видом, как рада здесь быть.

– Оливер, мистер Кейн я для прислуги, – поправляю резким тоном, и Шерил вздрагивает и, кажется, задерживает дыхание. – Удивительно красивый или удивительно ужасный? Я не знаю ни одного человека, кроме меня самого, которому бы по-настоящему понравился «Kanehousgarden», – добавляю с ухмылкой. Я не собираюсь уличать гостью в неискренности. Мне нужны истинные эмоции, а не напускная восковая вежливость. В темно-карамельных глазах с янтарными крапинками мелькает растерянность, девушка приоткрывает губы, чтобы ответить, но не успевает.

– Тогда я покину вас, – нетактично вклинивается Гвен. – Увидимся в редакции? – взгляд сестры вопросительно задерживается на мне.

– Да, – коротко подтверждаю я. Гвендолен натянуто-официально прощается с Шерил Рэмси и, круто развернувшись, стремительно покидает библиотеку, оставляя меня наедине с перепуганной девушкой.

В повисшем неуютном молчании мы какое-то время смотрим вслед исчезнувшей в коридоре Гвендолен. Между нами значительная дистанция, но потрескивающее напряжение все равно ощущается, усиливаясь и нарастая с каждой секундой. Я убираю одну руку в карман, в другой сжимаю страницы рукописи, едва не помяв их. Медленно перевожу взгляд на Шерил, придиричиво разглядывая ее с головы до ног, пока она упорно таращится в проем двери, в который вышла Гвен. Я пристрастен и ищу недостатки, которых насчитал немало, наблюдая за ходом собеседования через камеру наблюдения. Сегодня

не вижу ни одного, кроме самого жирного – я не хочу, чтобы она мне нравилась, это только все усложнит, запутает. Но с глухой злостью замечаю, что ее лицо вполне миловидно, имеется грудь и намек на бедра, и в следующее мгновение ловлю себя на необъяснимом диком желании вытащить шпильки из строгого учительского пучка и посмотреть, как Шерил выглядит с распущенными волосами, а лучше запустить в них свои пальцы, но исключительно для того, чтобы удовлетворить не собственные желания, нет, а нелепое требование Дилана.

– Мне кажется, мист... Оливер, что мы виделись раньше, – ее напряженный голос вспарывает наэлектризованное затянувшееся молчание. Девушка переводит на меня изучающий пристальный взгляд. – Уверена, что это были вы, – добавляет без тени сомнения. Я чувствую, как бледнею, выдавая лишние эмоции. Горло стягивает ледяной петлей, мышцы каменеют. Как идиот пялюсь на нее, не в силах сказать хотя бы слово. – В офисе, когда приходила на собеседование, – поясняет она, заметив мое нездоровое замешательство, и я с трудом сдерживаю вздох облегчения. – Вы не помните?

– Шерил, я вижу сотни лиц ежедневно, – придаю своему тону непринужденность и равнодушие. Она кивает, прищурив глаза. Не поверила. И правильно. Невозможно забыть, как она шарахнулась к стенке лифта, заметив меня в коридоре. Но пока Шерил не понимает, что именно ее пугает, я постараюсь произвести более приятное впечатление.

Неторопливо прохожу к столу, кладу на клавиатуру листы рукописи и оборачиваюсь к гостье, опираясь на край столешницы и стараясь выглядеть расслабленным и невозмутимым, что стоит мне определённых энергетических затрат. Шерри продолжает настороженно изучать меня с плохо скрытым скепсисом в пронизательных глазах и играть в молчанку. Это откровенно напрягает, сбивает с толку. Хотел бы я знать, о чем она думает прямо сейчас, наблюдая за мной немигающим взглядом, но, увы, это невозможно.

– Первая глава, – я киваю через плечо на оставленные на столе бумаги. – Если не готова, то можешь начать завтра.

– Я готова, – торопливо отвечает девушка. – Я не знаю адрес вашей электронной почты.

– Почта тебе не понадобится, Шерри, – скрещиваю руки на груди, и ее взгляд невольно задерживается на моих плечах, потом на пальцах, сдвигается ниже, до самых ботинок. – Объем текста небольшой, я вполне способен уделить полчаса своего времени, чтобы ознакомиться с результатом твоей работы.

– Я должна как-то сообщать, что текст готов? – тщательно рассматривает мою обувь.

– Необязательно, – пространно отвечаю я, и ее взгляд возвращается к моему лицу. – Ты работаешь днем, а я буду заходить сюда вечером.

– Но Гвен просила, чтобы я отправляла каждую отработанную главу ей, – в интонации голоса проскальзывают подозрительные нотки. Малышка решила, что я имею на нее виды сексуального характера и планирую воплощать их здесь, по вечерам?

– Мы же решили, что правила изменились, – небрежно напоминаю, снисходительно выгнув бровь. Даже не рассчитывай на служебный роман, крошка. – Я буду контролировать качество твоей редакции и решать, когда моя сестра увидит текст. Еще есть вопросы?

– Гвен предупредила, что вопросы и личное мнение под запретом, – опустив ресницы, быстро сообщает Шерил.

– Если они не касаются твоих обязанностей напрямую, – конкретизирую сугубо-деловым тоном.

– Хорошо. Тогда спрошу... – она неуверенно мнетя, и я непроизвольно поддаюсь вперед, с неожиданным любопытством глядя в смутившееся лицо Шерил. – Я могу брать книги из вашей библиотеки?

– Книжки? – хмурюсь я, недоуменно обводя взглядом пыльные полки. – Зачем?

– Читать, разумеется, – она озадаченно смотрит на меня. – Зачем же еще?

– Конечно, бери любую, но из дома их выносить запрещено, – предупреждаю на всякий случай, хотя стопроцентно уверен, что Шерри не из тех, кто тащит

чужое. Девушка вновь робко кивает, несколько не обидевшись на мое замечание, и поспешно подлетает к одной из полок, с трепетом ведет тонкими пальцами по потертым корешкам антикварных книг.

– Даниэль Дефо, – возбужденно восклицает она, доставая одну, бережно листает, не скрывая восторга. – Коллекционное издание конца восемнадцатого века. – лицо озаряет улыбка, глаза восторженно сверкают. Перемена настолько разительна, что я на мгновение залипаю, наблюдая за ней, замороженный необыкновенной метаморфозой. – Переплет и иллюстрации почти в идеальном состоянии. А бумага какая? Можете представить, что ей больше ста лет? Но это вторая книга. «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо». Вы же знаете, что Дефо написал три книги о Робинзоне? – я молча пожимаю плечами. Вопрос адресован мне, но внимание девушки приковано исключительно к коллекционному фолианту, который она осторожно ставит обратно на полку и достает следующий, недолго рассматривает и возвращает на место.

– А это третья, – снова улыбается и обращает на меня свой взгляд. – Серьезные размышления Робинзона Крузо. Редкостная нудятина, но издание превосходное. Что случилось с первой, с самой известной из всей серии? – она касается небольшого промежутка между книгами. Я в очередной раз неопределенно передергиваю плечами. – Она точно была здесь, – с необоснованной уверенностью утверждает Шерил. Я с трудом сдерживаю скучающий зев, что не скрывается от внимания девушки, окинувшей меня укоризненным взглядом. – Вы ее продали? – звучит, как обвинение, и тон такой..., что я резко просыпаюсь.

– Я похож на человека, нуждающегося в деньгах настолько сильно, чтобы начать распродавать библиотеку своего деда, которую он собирал всю свою жизнь? – подчеркнуто вежливо осведомляюсь я. Шерил пару секунд внимательно смотрит на меня, потом снова скользит взглядом по рядам книг с часто попадающимися пустотами, на лице Шерри отражается неприкрытое осуждение. Похоже, я догадываюсь, что за мысли сейчас бродят в голове девушки. – Самые ценные экземпляры дед хранил на чердаке, – оправдываюсь с раздражением и запоздало прикусываю язык. Черт, какой идиот! Зачем я лгу? Еще и упоминаю чертов чердак? Судя по безумному блеску кофейных глаз Шерил Рэмси, она прямо сейчас готова рвануть туда и вернуть отсутствующие книги на свои законные места. – Там созданы специальные, особые условия для хранения... – прочистив горло, я пытаюсь спасти положение, но делаю только хуже, запутываясь в собственном вранье. Черт, Оливер, ты полный кретин. Дилан посмеялся бы надо мной сейчас... если бы умел смеяться.

– Я могу посмотреть? – негромко спрашивает Шерил, и я начинаю догадываться, почему именно она засела в большой голове Дилана. У них определённно есть нечто общее.

– Нет! – слишком быстро и резко. Она удивленно и с легким испугом распахивает глаза. – Тебе нужен Дефо? Я принесу... вечером или завтра.

– Вам будет сложно найти, я бы могла помочь, – почти шепотом робко предлагает Шерил. О да, уверен, Дилан был бы счастлив, позволь я ей.

– С чего ты взяла, что я не смогу найти Робинзона сам? – теперь я откровенно злюсь, подозревая, что еще недавняя выпускница института считает меня непроходимым тупицей, ленивым глупцом, преуспевающим за счет оставленного Дэниэлем Кейном наследства, не осознавая его истинной ценности.

– Потому что у меня создалось впечатление, что вы не читали ни одной книги из библиотеки вашего деда, – объясняет Шерил и, черт возьми, попадет в яблочко. – Но вы и не обязаны. Интересы у всех разные, – она пытается сгладить неловкость, но главное уже сказано.

– Разные, – киваю я, отрываясь от стола, и направляюсь к двери, собираясь покинуть библиотеку. Спектакль затянулся и прошел совсем не так, как я планировал. – Я занесу книгу сюда, – останавливаюсь на пороге. – Когда найду. Сам. Хорошего дня, Шерил, – и выхожу, не оборачиваясь.

– И вам, Оливер, – донесся до меня ее тихий расстроенный голос.

Глава 7

Шерри

После ухода мистера Кейна (мысленно мне пока сложно называть его Оливером) я несколько минут прихожу в себя. Первоначальный страх и тревожные ощущения, связанные с хозяином дома и моим непосредственным работодателем, сменились чувством неловкости и раздражением. Он

определённо больше не пугает меня. Не зря говорят, что первое впечатление обманчиво. Возможно, в редакции мне померещился ореол властности, непробиваемой самоуверенности и опасности, окружающий владельца Пульс холдинга. Я была слишком впечатлена и взволнована результатами собеседования. К тому же в стенах офиса мистеру Кейну положено играть роль жёсткого руководителя, но стоит понаблюдать за тем, как Гвен перечит брату, становится понятно, что он таковым не является... Или слишком любит свою сестру. Такой вариант тоже возможен. Тем не менее, сейчас хочется назвать его импульсивным и вспыльчивым, а еще заносчивым и да... чуточку самовлюбленным. Из нашего короткого разговора я успела сделать кое-какие выводы на его счет, но вот озвучивать их вслух точно не стоило.

Мне бы не хотелось, чтобы отношения с обитателями «Kanehousgarden» начались с неприязни. Мало того, что Гвен общается со мной сквозь зубы, так теперь еще и ее брат решит, что я невоспитанная провинциальная выскочка. Хотя какое мне дело до мнения холеных богатеев, пока они дают мне работу и платят хороший оклад? Я здесь нахожусь с конкретной целью и перечнем обязанностей и правил, которые согласилась соблюдать. Именно этим и займусь прямо сейчас.

Замотивировав себя на бодрый рабочий настрой, я с огромным сожалением отрываюсь от изучения корешков редких книг и присаживаюсь за массивный стол. Отодвинув в сторону листы рукописи, первым делом включаю компьютер, изучаю содержимое рабочего стола и имеющиеся программы, создаю новую папку. Только после этого открываю текстовый файл и кладу перед собой первую страницу рукописи.

К моему удивлению, автор творил свой опус обычным грифельным карандашом, хотя сам факт того, что в наше время кто-то пишет книги от руки, кажется странным. Почерк явно мужской – без всяких закорючек и каллиграфических замашек, ровный, четкий, с легким наклоном вправо и умеренным нажимом, разборчивый с крупными буквами и без единого исправления. Автор не спешил и вероятно продумывал каждое слово, прежде чем перенести его на лист.

Прочитав первый абзац, не вникая особо в смысловое содержание, я с удовлетворением отмечаю полное отсутствие грамматических и пунктуационных ошибок. Похвально. Писатель явно неплохо образован и не новичок. Значит, работа пойдет быстро и плодотворно. Далее я приступаю непосредственно к набору.

Строки короткого предисловия ложатся, как ни странно, легко, хотя начало, мягко говоря, жутковатое.

«Принято считать, что ад – это место, из которого не возвращаются, билет в один конец, последний выписанный жизнью счет за все, что мы успели наворотить. А если речь идет не о мифическом, а о реальном аде? Здесь, на земле, рядом с нами.

Возможно ли вернуться, выжить?

Да, но иногда выжить недостаточно, чтобы покинуть ад. Он преследует нас, прорастает внутри, овладевает, или мы сами забираем его с собой....»

Спорно, странно и мрачно. Зря я надеялась на любовный роман или хотя бы детектив, но, может быть, я тороплюсь с выводами, и дальше будет бодрее и позитивнее. Пальцы быстро порхают по клавиатуре, набирая одно предложение за другим, и к концу первой страницы я понимаю – ни бодрее, ни позитивнее не будет. И все же оторваться я не в состоянии:

«Она говорила обо всем на свете, без умолку, глотая слова и целые фразы, перепрыгивая с мысли на мысль. Ее звонкий голос приводил меня в глухую ярость. Сверлящая боль давила на виски, когда она меняла интонации или смеялась... Она умела смеяться в аду. Сумасшедшая. Я хотел оглохнуть, но чаще... чаще представлял, как сжимаю ее горло до тех пор, пока тишина и покой не вернутся в мой стерильный мир, не пропахший корицей и карамелью. Казалось, что даже от стен воняло ванилью и шоколадом, приторным сладким запахом пропиталось все вокруг, я чувствовал себя отравленным, измученным, наказанным без причины... Я не выносил ее, задыхался, изнывал от головной боли, но терпел. И в какой-то момент смирился. Я понял, почему во время бодрствования она не может заткнуться ни на секунду.

Крик. Отчаянный, непрекращающийся, протяжный, почти нечеловеческий, переходящий в вой или захлебывающиеся рыдания, сменяющиеся мольбами и измученными стонами.

Она не хотела слышать крик. Заглушала его своей болтовней. И я сделал то же самое, чтобы избавить себя от звука назойливого голоса.

Я начал говорить. Точнее читать. Вслух. В крошечной темноте.

Это помогло. Она слушала внимательно и почти не дыша, словно боялась, что я остановлюсь, и прервала меня лишь однажды, попросив перечитать фразу, которую не расслышала. Она солгала.

Причина была совершенно другой.

Она хотела донести до меня смысл, проложить мост. Она хотела, чтобы я помог ей выжить.

«Может быть, вы найдете друга там, где меньше всего ожидаете встретить его».

Я останавливаюсь, потому что на этом первая страница рукописи заканчивается. Непроизвольно вздрагиваю и перечитываю снова. А потом еще и еще, и еще раз, пока не начинает рябить в глазах. И я вовсе не ошибки ищу, потому что их нет, а что-то неясное, ускользающее, не дающее покоя. Я чувствую, что упустила нечто важное, но что?

– «Может быть, вы найдете друга там, где меньше всего ожидаете встретить его», – повторяю я последнее предложение, одергивая заледеневшие пальцы от клавиатуры, и в сотый раз пробегаю взглядом по напечатанным только что строкам. Звучит, как цитата, но откуда?

Нетерпеливо тянусь за следующей страницей и в недоумении замираю. Лист девственно чист. Беру другой – то же самое.

– Что за ерунда? – растерянно бормочу я, когда и последняя страница оказывается пустой.

Оливер

– Она тебя узнала? – захлопнув дверь кабинета, Гвендолен стремительно подходит к моему столу. Я отрываю невидящий взгляд от белого листа бумаги, пытаюсь сфокусироваться на встревоженном лице родственницы. Смысл вопроса доходит не сразу. Пару секунд я просто смотрю, как Гвен нервно

сжимает губы, опираясь на край столешницы ладонями. От нее пахнет страхом и дорогими духами, в глазах выражение, которое я не видел очень давно.

- Нет, - наконец произношу я.

- Ты уверен? - она сомневается. Наверное, у нее есть причины, но я знаю... знаю, что нет. Шерри не узнала меня.

- О чем вы говорили? - требовательно спрашивает сестра, переводя дыхание.

- Ни о чем.

- Ты приехал через час, Оли. Хочешь сказать, что вы молчали все это время?

- Нет, она рассматривала книги. Шерил Рэмси в восторге от библиотеки старика, - скупко усмехнувшись, поясню я. - Считает меня глуповатым мажором, распродающим наследство деда.

- Ты издеваешься? - Гвен в недоумении сводит брови.

- Нет, - небрежно передергиваю плечами. - Теперь я понимаю, почему Дилан выбрал именно ее.

- Выбрал? Для чего?

- Я не знаю. Это нам и предстоит выяснить.

- Не нам, Оли, - эмоционально возражает Гвен. - Я не хотела участвовать в этом безумии. Даже в клетке этот психопат отравляет нашу жизнь, влияет на все, что мы делаем, говорим и даже думаем. Ты должен его остановить, или мне придется сделать это самой, - ее взгляд задерживается на зажатом в моих пальцах карандаше, а я размышляю о том, что пока не стоит оставлять ключ в тайнике. Гвендолен слишком сильно нервничает. Кто знает, что ей может прийти в голову?

- Что ты делаешь? - с подозрением интересуется Гвен.

– Хочу написать о том дне, когда впервые увидел Дилана, – задумчиво уставившись на чистый лист, провожу длинную прямую линию заточенным грифелем и, подняв голову, смотрю на сестру.

– Зачем, Оли? – в бирюзово-синих глазах Гвен вспыхивает изумление.

– Он напишет об этом. Я знаю. Хочу сравнить наши версии, – поясняю я. Гвендолен открывает рот, словно хочет возразить, но с ее губ не срывается ни слова, лишь судорожных вздох. Сестра качает головой, отступая назад, тяжело опускается на стул, обхватывая себя руками. Взгляд гаснет, с лица исчезают все краски.

– Думаешь, что они чем-то отличаются? – в интонациях заданного вопроса проскальзывает неприкрытая боль. – Ты забыл, что я была рядом с тобой, когда он впервые перешагнул порог нашего дома. Я чуть с ума не сошла. Он был ужасен... и при этом так похож на тебя. А мама... Ты помнишь, в каком она была шоке? После этого все стало еще хуже. Мы думали, что пережили главный кошмар, но Дилан...

– Я помню, Гвен. – я отодвигаюсь назад, чтобы встать и подойти к ней. Она негромко всхлипывает, стоит мне оказаться рядом и мягко прижать к себе ее голову. – Не надо, не плачь. Я позабочусь обо всех нас, – она кивает, шмыгая носом, дрожит, цепляясь за мой пиджак. Если бы я был смелее, то сказал бы ей. Сказал прямо сейчас, но я – трус, потому что если я признаюсь, то она возненавидит меня, и я потеряю самого близкого и родного человека. Так же, как потерял свою мать и единственную девушку, которую любил.

Дилан каждый день напоминает мне об этом своим присутствием. Моя безумная копия, сумасшедший ублюдок, запятнавший мою жизнь своими стерильными руками. Я хочу, но не могу остановить его. Не потому, что Дилан сильнее или умнее. Меня сдерживает другое: ненавистное чувство вины и страх. Страх, что все узнают, что мы не просто близнецы, мы – соучастники.

Наша первая встреча с Диланом произошла не в тот день, о котором говорила Гвен.

Я увидел его гораздо раньше.

Прежде чем я перейду к главному, наверное, стоит немного рассказать о моей семье, о тех временах, когда мы все еще не подозревали, что живем под одной крышей с серийным убийцей, с монстром, вошедшим в историю наравне с другими кровожадными психопатами. Для нас с Гвен Уолтер был строгим, но неплохим отцом, а для моей матери Элис Хадсон – любящим и заботливым мужем.

Мои родители поженились совсем молодыми. Мама рассказывала, что они познакомились в университете. Уолтер подошел к ней в столовой, подвинув ее подруг, сел рядом. Впоследствии подруги переехали за другой стол, а он остался. Они учились на разных курсах, отец осваивал профессию психолога, а мама собиралась учить детей гуманитарным наукам. Элис с самого рождения жила с престарелой и любящей выпить теткой, не способной контролировать влюбившуюся до безумия двадцатилетнюю девчонку. Элис в двадцать два забеременела, и Уолтер Хадсон, как и полагает порядочному молодому человеку, сделал ей предложение, с радостью принятое моей мамой. Отец происходил из обеспеченной интеллигентной семьи, и его родители имели собственное представление о том, какая жена нужна их сыну. Разумеется, они были категорически против сироты, воспитанной бедной родственницей. Уолтер пошел наперекор их мнению, за что лишился наследства, и до смерти отца не пытался встретиться или наладить общение, а Элис так ни разу и не увидела родителей мужа.

Мое детство прошло в небольшом городке. Мы жили в скромной квартирке, где мама как могла создавала уют. Она, как и мечтала, работала в школе, отец занимал должность консультанта в местной психиатрической клинике. Как молодым специалистам им платили ничтожно мало, и родители перебивались, как умели, но Уолтер никогда не обращался за помощью к своим преуспевающим родителям, а Элис, не привыкшая к богатству, ни на что не жаловалась. Она беззаветно любила мужа, он в свою очередь старался сделать все, чтобы вытащить семью из нищеты. Уолтер брал дополнительные смены, выходил в ночь и в выходные, а если получалось заработать побольше, покупал сладости для меня и красивые безделушки для мамы.

Это было непростое, но счастливое время. Родители почти не ругались, в крохотной квартирке всегда царил идеальный порядок. Отец был помешан на чистоте и раздражался, если замечал, что в доме не убрано. По этой причине у меня почти не было игрушек, к тому же в моей комнате совсем не хватало для них места. Мы были самой обычной семьей со своими трудностями и радостями,

пикниками по воскресеньям, запеченной уткой на день благодарения, скромными подарками на рождество и совместными прогулками в кино или в парк по особым дням.

Через несколько лет мама снова забеременела, и отец нашел новую работу в крупной клинике. Мы перебрались в Вашингтон, приобрели квартиру попросторнее, и именно в тот период времени я узнал о существовании Клариссы Хадсон, моей бабушки.

Кларисса успела спустить наследство после смерти мужа всего за пару лет вдовства, а когда в ее доме не осталось ничего, что можно было продать, у нее случился первый инсульт, после которого бабушка частично восстановилась, а после повторного последствия оказались гораздо хуже, и обходиться без постоянной помощи она не могла.

Уолтеру пришлось вспомнить о своем сыновьем долге. Он не настаивал, чтобы жена ухаживала за его парализованной матерью, сам ездил к ней. Иногда дважды в день. Утром и вечером. Элис предложила как-то нанять сиделку, но Уолтер сказал, что чувствует свою вину за то, что не успел попроситься с отцом и не интересовался судьбой матери, когда та осталась одна, и будет правильнее, если он самолично возьмёт на себя заботу о ней. К тому же у Уолтера имелось медицинское образование, и он мог ухаживать за матерью лучше, чем самая первоклассная сиделка.

Кларисса Хадсон жила в пригороде, в сорока минутах езды от Вашингтона, в большом, но жутком фамильном доме с кучей комнат, темными коридорами, пропахшими плесенью, заросшим садом и скрипучими въездными воротами. Отец часто брал меня с собой и на несколько часов оставлял с бабушкой наедине, поясняя это тем, что на нее благотворно влияет общение с единственным внуком.

Уолтер закрывал меня в комнате, чтобы я не отлынивал или... не слонялся по дому. Тогда Кларисса Хадсон еще могла сидеть в инвалидном кресле, держать голову, шевелить левой рукой и ею же держать ложку и самостоятельно есть. В комнате не пахло лежачим больным, всегда было чисто и убрано, а бабушка причесана и аккуратно одета. Но для меня, неусидчивого мальчишки, эти часы наедине с седой, высохшей, полубезумной старухой, с белёсыми глазами и перекошенным ртом, из которого периодически капала слюна на белоснежный нагрудник, казались сущим адом.

Признаться, я дико боялся эту старую женщину, был уверен, что Кларисса не видит и не узнает меня, и пользы от моего присутствия совершенно нет. Я злился на отца, но не осмеливался возразить. Уолтер не был злым или агрессивным человеком, но ни я, ни мама никогда не спорили с ним. Это было невозможно. Отец говорил тихим и ровным голосом, спокойно, убедительно и сдержанно, за исключением тех моментов, когда замечал грязь в доме, неаккуратно разложенные вещи в шкафу или неопрятность в одежде. А еще он не выносил, когда мама делала макияж.

Грязное лицо – грязные мысли, любил повторять он.

Ребенком я многое не замечал и не придавал странным фактам особого значения, но потом, после случившейся трагедии, вспомнил, что лицо Клариссы Хадсон во время моих визитов всегда было тщательно накрашено и от этого казалось ещё более жутким и отталкивающим.

В тот день, когда я впервые увидел Дилана, отец снова взял меня с собой, чтобы навестить бабушку. Мы обнаружили ее лежащей на полу возле кровати, и отец по-настоящему взбесился. Он кричал на неподвижную беспомощную мать, проклинал и угрожал, что оставит подыхать ее в одиночестве, если она будет пытаться сбежать. Я испугался, потому что не понимал, что так сильно разозлило отца.

Разве могла парализованная старуха убежать или хотя бы уползти из своей комнаты? Отец успокоился быстро, объяснив вспышку ярости беспокойством, что бабушка могла разбить голову, упав с кровати. Потом мы вместе подняли Клариссу и усадили в кресло. Отец проверил ее голову и, убедившись, что она в порядке, заботливо собрал спутавшиеся седые волосы в аккуратную причёску и накормил. Бабушка не реагировала на действия отца, молча жевала свою кашу, глядя сквозь нас мутным потусторонним взглядом. Покончив с ужином, отец ушел посмотреть скрипящие ворота, а мне было велено рассказать бабушке, как мои дела в школе.

В комнате сразу повисла мертвая тишина, прерываемая лишь неровным сиплым дыханием старухи. Я сидел на стуле возле стены и старался не смотреть на нее, разглядывая деревья за окном или рисунки на обоях. Мне было жутко, но послушаться или выйти из спальни я не мог. Внезапно Кларисса захрипела, привлекая мое внимание, и я чуть не обделался от страха, заметив, что она

смотрит прямо на меня. Не сквозь или мимо, а осознанно и ясно. Старуха открыла кривой беззубый рот, покрашенный красной помадой, и замычала, пытаясь что-то сказать. Я застыл парализованный ужасом, неотрывно глядя в лихорадочно горящие глаза Клариссы Хадсон. Она казалась высохшей ведьмой, насылающей на меня проклятье. Я затрясся от страха, когда старуха вдруг подняла вверх указательный костлявый палец с длинным покрытым алым лаком ногтем, и отчетливо услышал, как из ее горла вырвалось сиплое: «Беги». Я вскочил на ноги, резко двинулся к двери, в панике дернул ручку, и та поддалась. Мне повезло, что отец забыл запереть замок. Так я думал тогда... Повезло.

Выскочив в коридор, бросился к входной двери, но на половине пути замер, услышав странные звуки наверху, похожие на скулѐж собаки или какого-то другого животного. Мне пришла в голову мысль, что какой-нибудь уличный пес мог забраться в дом в поисках еды и угодил под рухнувшую полусгнившую мебель. Звук повторился, и страх уступил жалости. Я развернулся и направился в сторону лестницы, поднялся на второй этаж, не подозревая, что одной ногой угодил в ад.

Оказавшись в неосвещѐнном коридоре, я пошел на звук жалобного поскуливания. В кромешной темноте, шаг за шагом, держась за обшарпанные стены, с которых отлетала штукатурка и сыпалась под ноги, издавая хруст под новыми модными кроссовками. Их купил мне отец в прошлые выходные, а после мы вместе ходили на матч его любимой футбольной команды. Я вспоминал об этом тогда, чтобы не сойти с ума от страха, ледяной петлей сдавившего пересохшее горло.

Я шел вперед, нажимая на все попадающиеся ручки запертых дверей. Глаза постепенно привыкали к иссиня-черному мраку, размазанному вдоль равнодушно взирающих на меня стен. Коридор казался бесконечным, и я начал считать шаги, чтобы как-то избавиться от дышащего мне в спину зловещего ужаса.

Звуки, издаваемые страдающим животным, становились тише, слабее, хотя я точно знал, что приближался, а потом и вовсе исчезли. Сердце забило быстрее, футболка промокла от пота и неприятно липла к трясущемуся телу. Я уперся в стену, отчаянно пытаюсь нащупать еще одну дверь, но натыкался только на сколы и трещины. Я почти обрадовался, когда где-то прямо надо мной раздался сдавленный отчаянный стон. Это означало, что пес еще жив.

Продвинувшись влево, я вытянул руки вперед и наткнулся на деревянную крутую лестницу, ведущую на чердак. Цепляясь растопыренными пальцами за ступени, я пополз вверх, пока не оказался в очередном коридоре. Темная массивная дверь была в нескольких шагах от меня. Преодолев их, почти не дыша, провел рукой по металлической поверхности и потянул на себя за открытый стальной засов. Тяжелая железная дверь поддалась на удивление бесшумно, в ноздри ударил соленый тошнотворный запах. Я прикрыл нос ладонью и всмотрелся в черную густую темноту, окутавшую квадратную небольшую комнату без окон. Ни одного проблеска света... только восковое белое тело на полу, похожее на сломанный манекен, покрытый уродливыми разрезами, из которых фонтанировала черная густая жижа. И размытый темный силуэт, нависающий сверху, издающий рычащие животные звуки утоляющего голод зверя.

Никакой пес не забирался в дом. Я сжал зубы, чтобы удержать крик ужаса или рвотный позыв, или то и другое вместе. Инстинктивно попятился назад, не отпуская из поля зрения огромное чудовище, алчно терзающее свою добычу. Оступившись, я замер, покрывшись ледяным потом. Монстр насторожился, приподнявшись и озираясь по сторонам. Я зажмурился что было сил, по-детски пытаюсь спрятаться от ожившего кошмара, а когда открыл глаза, увидел еще одну темную фигуру.

Он стоял в углу, спиной ко мне. Я бы не заметил, если бы он не начал поворачиваться. Его... свое лицо я узнал даже в кромешной мгле. На меня смотрело мое отражение в полный рост немигающим пронизывающим взглядом.

«Закрой глаза.

Не смотри», – отчетливо произнёс мой близнец.

«Беги».

Но я не побежал. Зажмурился веки, и не помня себя от пережитого ужаса, я медленно, бесшумно, на ощупь попятился назад, спустился в комнату бабушки и, только закрыв за собой дверь, осмелился открыть глаза. Несколько минут я мелко дрожал, стуча зубами и глядя перед собой.

Кларисса Хадсон сидела в той же позе, в которой я оставил ее, но больше не смотрела на меня. Ее взгляд потух, голова безвольно свесилась. После монстра на чердаке она больше не пугала меня.

Отец вернулся через час, может больше. Он был одет в ту же кристально-белую рубашку без единой складки с аккуратно повязанным бежевым галстуком. На локте у него висел идеально сложенный пиджак.

– Как вела себя старушка? Не шалила? – подмигнув мне, бодро спросил Уолтер, потрепав по волосам. – Едем домой, или еще поболтаете? – он широко улыбнулся, сверкнув белыми крепкими зубами.

Чуть позже я узнал, что в этот день у бабушки случился третий инсульт, окончательно приковавший ее к постели. Отец стал ездить к ней еще чаще, но меня с собой больше не брал, чему я был бесконечно рад. Спустя пару месяцев все, что со страху привиделось на чердаке бабушкиного дома, стало казаться мне надуманным кошмаром, плодом разыгравшегося воображения. Я был ребенком, и как многие дети, боялся призраков, чудовищ и монстров, живущих под кроватью, в шкафу и на чердаках старых домов. И поэтому, когда отец сказал, что чудовищ не существует, я поверил ему, но на протяжении долгих лет где-то раз в неделю я просыпался посреди ночи в поту, разбуженный собственным голосом.

Закрой глаза.

Не смотри.

Беги...

Я не побежал тогда, но делаю это сейчас. Я бегу. И делаю это с тех пор, когда понял, что мой кошмар был реальным, когда осознал, что я мог его остановить, мог спасти девушек, погибших позже, я мог спасти их семьи от страшного горя, и я мог спасти Дилана, но испугался, и теперь расплачиваюсь за свою трусость. Я виноват не меньше, чем Балтиморский маньяк, чудовище в человеческом облики, зверь, называвшийся моим отцом. Моя ошибка стоила жизни слишком многим людям, включая самых близких и любимых.

Так как я могу признаться Гвендолен, что знал о существовании Дилана, когда она еще каталась в детской коляске и смешно коверкала слова? Как я могу признаться ей, что они с Диланом появились в моей жизни практически одновременно?

Глава 8

Шерри

Оставшись без работы, я до вечера листаю коллекционные собрания 17 века, обнаруженные на полках библиотеки, но настрой уже не тот. Я едва замечаю роскошные кожаные переплеты с золотым тиснением, с уникальными иллюстрациями и гравюрами на отдельных листах в научных книгах французского ученого натуралиста. Я честно пытаюсь сосредоточиться, но мысли ускользают совершенно в другую область. Из головы не выходит странное содержимое первой страницы рукописи и отсутствие какого-либо содержания на двух других.

– Хватит, – закрыв третий том из шестикнижной коллекции, возвращаю его на полку, покидаю библиотеку и отправляюсь на кухню. Кажется, Гвен говорила, что кухня – разрешенная территория.

Повар давно ушел, хотя я была бы не против компании. Находиться одной в огромном доме – испытание даже для крепкой психики, а мою в последнее время немного штормит и укачивает. Может, стоит познакомиться с кем-нибудь из обслуживающего персонала, скрывающегося в гостевом доме? А почему бы нет? Странно, что за целый день я не видела и не слышала ни звука шагов, ни разговоров, ни шума пылесоса. Или хозяева настолько помешаны на тишине, что горничные даже в их отсутствие перемещаются по дому с заклеенными ртами и на цыпочках?

Сосуший желудок на время берет верх над моей хромающей логикой. К тому же разогретая лазанья из контейнера с моим именем и свежезаваренный кофе источают божественные ароматы. Гастрономическая панацея действует недолго. Неторопливо и с удовольствием утолив голод, я вновь ощущаю растущий дискомфорт, мурашками бегущий по позвоночнику. Тишина давит,

нервирует, и я включаю телевизор, но листание новостных каналов и громко спорящих ток-шоу не отвлекают от гнетущего необъяснимого чувства. Мне настолько неуютно, что даже навязчивый аромат розовых гортензий в изящной фарфоровой вазе раздражает и вызывает неприятные ассоциации, которые даже озвучивать не хочется. Мне нужно на воздух. И как можно скорее.

Заскочив в свою комнату за свитером и дождевиком, я бегом спускаюсь вниз, на ходу одеваясь, и выхожу в подсвеченный фонариками сад. На улице сыро, неуютно, мокро, зябко и ветрено, но я жадно глотаю кислород, дышу полной грудью до белых звездочек перед глазами.

В сумерках особняк выглядит не менее жутко, чем днем. Мне страшно поворачиваться к нему спиной, но я смело направляюсь в сторону домика для прислуги, хотя надежды на то, что кого-то застану там, почти нет. Мне жизненно необходимо услышать человеческую речь, иначе я точно сойду с ума. По позвоночнику ползет липкий страх, есть ощущение, словно пустые глазницы темных окон следуют за мной, наблюдают с холодным интересом, изучают, замышляя что-то страшное.

– Боже, Шерри. Ты совсем свихнулась, – нервно усмехнувшись, говорю я, резко оборачиваюсь и... натыкаюсь на высокого мужчину в мокром пальто. Взвизгнув, я отпрыгиваю назад, собираясь заорать в голос.

– Уверен, что нет, – произносит голос, который я к облегчению узнаю. Мистер Кейн, будь он не ладен.

– Господи, я испугалась до смерти. Что вы тут делаете? – задыхаясь от пережитого шока, сипло спрашиваю я. Мистеру Кейну хватает наглости насмешливо улыбнуться.

– Вообще-то живу, а тебе, Шерил, не стоит гулять по ночам в одиночестве.

– Разве сейчас ночь? – огрызаюсь я, отлично понимая, что мой тон нарушает все границы допустимого. Но в данный момент мне абсолютно плевать, что передо мной владелец крупного медиа-холдинга и мой прямой работодатель. Сердце до сих пор колотится, как у кролика, а в ушах звенит, словно меня нехило приложили по голове.

– Какое это имеет значение? Разве гады в пустыне спрашивают который час, выползая на поверхность с наступлением темноты? – его слова, произнесённые серьёзным задумчивым тоном, заставляют меня завибрировать от новой волны ужаса. С подозрением прошариваю взглядом давно нестриженный газон и на всякий случай выхожу из-под дерева, с нависающими прямо над головой лысыми петлистыми ветками.

– Хотите сказать, что в саду водятся змеи? – голос предательски дрожит.

– Хочу сказать, чтобы ты была осторожна, – Оливер вдруг улыбается задорной доброжелательной улыбкой, от которой у меня екает в животе. Он что, так неуклюже шутит? – В категорию гады входят не только змеи, Шерри.

– Не помню, чтобы я разрешала себя так называть, – замечаю рассеянным тоном, пытаюсь понять, почему мне так трудно оторвать взгляд от улыбки Оливера Кейна.

– Зови меня Оли, если хочешь, – белые ровные зубы мелькают в темноте. И я снова не понимаю, смеется он или говорит серьезно. – Мы живем под одной крышей. Плевать на церемонии, Шерри. Я не жил вместе ни с одной женщиной, кроме своей сестры и матери.

– В твоём возрасте не иметь подружку – это тревожный симптом или как минимум повод задуматься, – выдаю я, переходя на «ты» с его разрешения, причём без заикания и глотания букв.

– Вот и я задумался и решил, что лучше иметь подружек, чем жить с ними, – невозмутимо заявляет Оливер.

– Фу, говоришь, как типичный... – я забываю, что хотела сказать, а все потому, что несносный мистер Кейн делает шаг вперед, протягивает руку и касается моих волос. Черт, он действительно это сделал?

– Эй, что... – я возмущенно подбираю слова и мучительно краснею, когда он вытаскивает из моей растрепавшейся на ветру гривы кривую маленькую веточку. Я заморожено смотрю на него в ожидании циничной реплики или насмешливой улыбки, но ничего такого не происходит. В тусклом свете садового фонаря выражение его лица прочитать невозможно, но он точно не собирается

смеяться надо мной.

– Так странно, – тихо произносит Кейн, подходя еще ближе, я задерживаю дыхание, когда его пальцы снова дотрагиваются до моих волос, перебирают локоны, словно лаская их.

Да черт, это еще как странно. Я сама не понимаю, почему позволяю ему... Он наклоняется, почти касаясь гладко выбритым подбородком моей щеки, ощущается терпкий аромат его лосьона и соленой влаги, пропитавшей стильное и наверняка безумно дорогое пальто. Я закрываю глаза, проваливаясь в незнакомое блаженное чувство.

– Вокруг дождь, слякоть и холод, а ты пахнешь карамелью и теплом, – его шепот раздается совсем близко, мятное дыхание шевелит кончики моих ресниц. Мне кажется, я сплю или плыву... или таю. – Пошли в дом, Шерри, – он вдруг безжалостно рушит возникшее волшебство, отступая назад и протягивая мне руку ладонью вверх.

Наваждение растворяется, и я снова жду насмешливого замечания, но на его лице искренняя теплая улыбка. Я доверчиво кладу свои пальцы в раскрытую ладонь.

– Ты выпьешь со мной кофе? – не отпуская моей руки, спрашивает Кейн, когда мы оказываемся в просторном ярко освещённом холле.

– Я... – мое сомнение мгновенно, мимолетно. – Конечно, Оливер.

Оливер

В «Kanehousgarden» крайне редко бывают посетители, что нас с Гвен более чем устраивает. И у сестры, и у меня, разумеется, есть личная жизнь, но проходит она исключительно за стенами дома. Никаких гостей, остающихся на ночь. Таковы правила. Сначала это было необходимой мерой безопасности, а со временем мы привыкли и научились ценить преимущества уединения и тишины. Поэтому, наткнувшись в саду на разгуливающую под морозящим дождем Шерил Рэмси, не сразу ее узнал и ненамеренно напугал девчонку чуть ли не до

обморока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/d_aleks/vyzhivshaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)